

Тая Глиб

АРХИТЕКТОР
(не) моей мечты

Тая Глиб

Архитектор (не) моей мечты

«Литнет»

2026

Глиб Т.

Архитектор (не) моей мечты / Т. Глиб — «Литнет», 2026

— Девушка, с вашей гибкостью вам бы на хореографию, а не на архитектурный. Твою ж... Этот низкий, бархатистый тембр с хрипотцой я узнаю из тысячи. Дыхание перехватывает, щеки вспыхивают. Поворачиваюсь. ОН.— Наталья Александровна, лекция началась. Сядьте и прижмите уже свою... — он сглатывает, — *опу к горизонтали. Раз уж все вертикали в этой аудитории вы покорили. Больше не смотрит на меня. Чеканит, обращаясь к залу: — Илья Вадимович Ольхов. PhD, приглашенный эксперт King's College London и ваш наставник. Челюсть — в пол. Ясно одно: этот мужчина или расхерачит мою жизнь к чертям, или создаст из неё гениальный проект. Хочу второе! Илья Ольхов — гений архитектуры, мой гуру и мужчина мечты. Он не терпит глупости и женщин, променявших семью на амбиции. Я, Наталья Андриевская — его самая дерзкая студентка и стажерка. Мой ум бьет наотмашь, а карьерные планы не знают границ. Илья не знает главного: я влюблена в архитектуру только потому, что её любит он. И за моей броней стоит девочка, мечтающая о доме и детях — именно с ним. Разглядит ли мастер в своей ученице женщину, или наш личный проект рухнет, так и не дойдя до фундамента? КНИГИ ЭТОГО ЦИКЛА Ещё одна моя новинка — «Непрерывная связь»: Это первая проба пера в формате мини-романа. Коротко, остро, эмоционально.

© Глиб Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Встречи	8
Глава 2. Быть!	12
Глава 3. "Говорящая" квартира	15
Глава 4. Размышления о методе тыка	18
Глава 5. Первая мучительная	21
Глава 6. Продолжение банкета	24
Глава 7. Жмут	28
Глава 8. Изысканное блюдо	32
Глава 9. Откровение	37
Глава 10. Сближение	42
Глава 11. Фейспалм	46
Глава 12. Свежеразмороженные	50
Глава 13. Статистическая погрешность	53
Глава 14. Пряники	56
Глава 15. Рабочее и нерабочее	61
Глава 16. ...похож на обман	64
Глава 17. Доверие	68
Глава 18. «Мурашит»	71
Глава 19. Знаки внимания	75
Глава 20. Разговоры в «бабьем царстве»	79
Глава 21. Были знакомы	85
Глава 22. «Заповедник»	88
Глава 23. Недостающая деталь	90
Глава 24. Ухажёры	93
Глава 25. Неожиданные «гости»	96
Глава 26. Обрушение	99
Глава 27. Раненый	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

Наташка

Попытка куратора профилактировать мою «драчливость» довела меня до кабинета вузовского психолога. Заглядываю — пусто. Марина Сергеевна, молодая женщина лет тридцати пяти, хорошая и милая... Именно ей предстоит как-то справляться с моим «девиантным поведением». Она обещала написать положительную характеристику после беседы, чтобы в деканате не выписывали выговор и не пачкали личное дело. Но её пока нет. Что ж, подожду.

Небольшая комната психологической разгрузки: диван, пара кушеток, кресло-мешок и ширма. Есть кофейный столик, внутри которого притаилось всё необходимое для чаепития и маленький электрический чайник. Несколько ламп с разным сценарием освещения.

Кидаю рюкзак на пол и сама бухаюсь в кресло-мешок, стоящее как раз рядом с ширмой. Расслабляюсь. Даже прикрываю глаза. Хорошо. Тишина...

— Фух... — выдыхаю я. — Докатилась ты, Наталья Александровна... докатилась до самого психолога... — Продолжаю ворчать себе под нос, разглядывая интерьер. — Да уж, обстановка так себе. В вузе, где готовят архитекторов и работают лучшие практики страны, — такая бездарщина и безвкусица! Локации не продуманы, мебель даже по цвету не подобрана, не то что по стилю, освещение кривое... А это что за «сопля» из проводов под потолком? Срамота! Срамотища!

— Согласен!

Я едва не подпрыгиваю от вибрации низкого, с хрипотцой, мужского голоса из-за ширмы.

— Этижи-пассажиры... Вы кто?!

— Конь в пальто, — почти басит голос.

— Очень приятно. Уважаемый Конь, а вы не знаете, Марина Сергеевна скоро придёт?

— Я за неё...

— Но вы не психолог. Вы же Конь?

— Да ладно, рассказывай! Чего «докатилась»-то? Интересно уже... — Голос звучит как-то располагающе. Почему бы и не поболтать?

— Да-а, навалила парню из своей группы за очень грубый подкат. Хорошо так припечатала. С разворота, аккурат пяточкой в носопырку. Слюни летели, нос помялся...

Из-за ширмы донёсся смешок:

— Отчаянная девушка!

— А то! Вообще, Костя парень неплохой...

— Только ссытся и глухой! — Мы уже смеёмся вместе.

— Ну, не до такой степени, конечно. Но наш «Ура, Константин!» — что-то вроде местного юродивого. «Скудоумие и отвага» — его девиз. Мозгов и правда котейка наплакал, зато

«мохнатая лапа» открыла пацану дверь на самый престижный архфак. В надежде, что если профессию не освоит, то хоть хорошую девочку из приличной семьи найдёт.

— А ты, выходит, не хороша?

— О! Я бесценна!

— Даже так?..

— Естес-с-ственно! Это Костя оказался бездарем не только в учёбе, но и в общении с девушками.

— И что же не устроило вашу Бесценность?

— Понимаете, методы проявления внимания у Костика застряли где-то на уровне детского сада, когда мальчики дёргают девочек за косички или показывают друг другу свои трусы. А этот восемнадцатилетний слонёнок тоже решил пошалить...

— И показал тебе трусы? — Голос уже откровенно стёбется, слышно, как собеседник хохочет «в кулак».

— Если бы! Трусов я точно не боюсь, если они нужные места прикрывают!

— Что же он тогда сделал?

— Пока я наклонялась за сумкой, приложился ладонью к моей пятой точке. Причём шлёпнул от души — своей граблей двухметрового двадцатикилограммового самца... Ну дурачьё! За такое только с разворота и ногой. Вот, пришла сдаваться и избавляться от социальных девиаций.

— Да, опасная ты девушка...

— Есть чутка!

— А Костя что?

— Да Костя-то норм, а вот родительница у него волнительная. Накатала заявление в деканат с просьбой разобраться с «криминальным элементом» в моём лице. Вот... разбираются.

— М-да, суровая ты, Бесценная. Но справедливая, — в голосе за ширмой проскользнула отчётливая улыбка. — Ладно, Наталья Александровна, иди. Марине Сергеевне я всё передам. Считай, что предварительную диагностику ты прошла успешно. Девиации в норме, рефлексy — тем более.

Я поднялась с кресла-мешка, отряхивая джинсы.

— А Конь в пальто точно передаст?

— Зуб даю. Лети, «криминальный элемент».

Я подхватила рюкзак и попятилась к выходу, так и не решившись заглянуть за ширму — какая-то внезапная робость сковала ноги. Откуда бы ей взяться?

Уже в коридоре, прикрыв тяжёлую дверь кабинета, я замерла.

В ушах всё ещё вибрировал его голос — низкий, бархатистый, с какой-то чертовски притягательной хрипотцой. Почти осязаемый. Если бы у сексуальности был звук, он звучал бы именно так.

И почему мне кажется, что это была наша не последняя встреча?

Глава 1. Встречи

Наташка

За четыре года на архфаке, помимо «драчливости», зафиксированной ещё на первом курсе, я приобрела по-настоящему ценные профессиональные навыки. Теперь я одна из лучших на потоке. Мои проекты получали высшие оценки не только в альма-матер, но и на всероссийских и международных конкурсах. Поэтому мой путь к пятому курсу сопровождается мучительной борьбой: какую компанию выбрать для стажировки?

На самом деле, свой единственный и во всех смыслах правильный выбор я сделала ещё в день знакомства с НИМ. Но ОН всегда всячески отговаривал меня от этого шага... Хотя неосознанно всем своим существом будто подталкивал именно к нему.

Флешбэк (неделей ранее)

— Наташ, вы можете позволить себе лучшую компанию мира. Зачем вам «Велес»?

— Я не хочу компанию. Я хочу наставника... — звучит двусмысленно, но он делает вид, что не понимает. — А значит — это вы и «Велес».

Илья Вадимович всегда держит дистанцию. За четыре года наших отношений в формате «гуру и студентка» бывали тёплые и даже пикантные моменты, но Ольхов — скала. Его фанатичное следование профессиональной этике причиняет мне почти физическую боль...

— Наташ... — он буквально выдыхает моё имя своим низким тембром. Я бы слушала это вечно: мозги плывут, я готова растечься лужицей прямо перед ним. — Наташ, я тоже хочу... — он делает паузу, — такого стажёра, как ты. Но это закроет для тебя другие, более перспективные двери. Ты мне потом этого не простишь.

— Я не хочу других... — я тоже выдерживаю паузу, — дверей. Я хочу достучаться в эту. Или влезу в окно.

Мы оба хмыкаем, пытаюсь подавить улыбку.

— Не отстанешь? — в глазах Ольхова пляшут искорки смеха.

— Не-а... — мы улыбаемся, глядя друг другу в глаза.

— Хорошо. Тогда потом не плачь и не проси пощады. В «Велесе» ты перестанешь быть моей студенткой — станешь коллегой. А насчёт рабочих отношений у меня предрассудков нет. Потянешь?

— Четыре года жду.

Он прикрывает ладонью глаза и закусывает губу, чтобы не рассмеяться. Блин, мы же оба всё понимаем. Но озвучить — значит признать.

— Наташ, иди... Жду в понедельник, — его бархатный голос заставляет меня внутренне вибрировать. Ольхов глубоко вдыхает, шумно выдыхает и откидывается на спинку стула. — Ты понимаешь, что назад это уже не отмотать?

— Это не понадобится.

Он смотрит мне прямо в глаза и, наконец, сдаётся, прикрывая веки.

— Иди, «бесценная» девочка... иди... — едва слышно произносит он.

Сейчас

Сегодня ночью у сестрёнок, Машки и Дашки.

Хотя, если честно, Даша уже почти перебралась к своему парню, Диме Матвееву, а моя Маша всю «наострила лыжи» в сторону Сергея Кармацкого. Вернее, это он эти лыжи настил и поставил ей под нос, но она никак не решится обуться и съехать с горы прямо в его объятия...

Эх, я бы и на ледянке, на «ватрушке», на картонке или рваном мешке сиганула с той горы, если бы знала, что внизу меня точно поймает Илья Ольхов. Но он — настоящий гранит. За четыре года он знатно «подрефтил» мне восприятие мира, вбив в голову: эмоции нужно гасить, если речь идёт о деле. Нельзя смешивать личное и профессиональное, а уж отношения преподавателя и студентки — и подавно табу...

Но я-то ещё тот алмаз. И я его уж загравирую... Вот и неделю назад я оставила на нём свои «отметины», и он сдался.

Завтра иду на установочную встречу по практике в «Велес».

От квартиры Маши и Даши добираться ближе, поэтому я перебралась сюда. Сама же я вместе с мамой, Надеждой Алексеевной Андриевской, и сестрой Софьей живу на другом конце Москвы.

Вечер проходит как-то сам собой. Я рассказываю Машке о «Велесе». Она у нас тоже, как и отчасти Ольхов, преподаватель университета, правда, её карьера за последние две недели устремилась вертикально вверх, и теперь она — и.о. проректора по внешним связям... Ей интересна и понятна моя болтовня о предстоящей стажировке.

Тему Ильи Ольхова я обхожу. Четыре года «температурных качелей» сделали из меня очень осторожную особу. Боюсь сильно размечтаться и больно удариться о невозможность... Пока никто толком ничего не знает, можно отключить рассудок и жить одними эмоциями. Вкусными такими... Только между мной и Ильёй...

После лёгкого ужина и чая с сестрёнкой бреду в душ. Переодеваюсь в пижамку в вишенку — это малюсенькие шортики и топ из хлопка, по-девчачьи мило. Иногда люблю такие вещи, хоть и убеждена, что истинная леди должна ходить в шелках и быть эстетически притягательной. Моя копна рыжих кудрей спадает изрядно ниже плеч, делая меня похожей на царя зверей, покрашенного хной... Короче, красота!

Укладываюсь спать. Даже недолго помечтав о моём куске «гранита», который завтра мне предстоит пилить, грызть, а может, и что повкуснее с ним делать (ха-ха-ха, мечтай-мечтай, Наталья Александровна...), я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от криков сестры:

— Наташка, просыпайся! Нас соседи топят!

— Чего? — бормочу я, и в ту же секунду до меня доносятся звуки хлещущей воды и вопли Машки... Поскользнулась.

Я тоже соскакиваю, хочу бежать спасать сестру и квартиру, но моя нога едет по залитому полу, и я лечу прямо на задницу.

— Какого хер...увима! — я в шоке. Не ожидала, что всё уже настолько печально. Боль такая, что аж искры из глаз. — Больно! Я себе зад отбила! — хнычу. — Я уже ползу! Надо воду у соседей перекрыть или в подвале!

Слышу, что Машка уже открывает входную дверь и ретируется со словами:

— Я к соседям!

Ноги ёлочкой, как на лыжах — шурую, рассекая «волны» и стараясь не грохнуться. Иду в кладовку за тряпками и ведром. Пытаюсь собирать этот океан, но где уж там... Но всё равно лучше так, чем ничего не делать. Смотрю на стену в уборной:

— Летом без отпуска, так соседи, «добрые люди», устроили нам экскурсию на водопады в домашних условиях. Класс!

Но не время базарить. Иду управлять стихией морской, чувствую себя Посейдоном в женском обличье, только у меня не трезубец, а швабра с тряпкой... Через двадцать минут непосильного труда одна комната относительно освобождена от воды... А у Наташки уже «лапки».

Сижу прямо в луже. Коленки отдавлены, пижамка насквозь, грива льва больше похожа на мочалку. Машка уже вернулась, перекрыв воду, и мы пытаемся собрать хотя бы ещё часть воды в прихожей. Но очередные несколько вёдер выбивают нас из сил, и мы просто остаёмся сидеть на мокром полу...

Я пытаюсь подняться, но поза получается «не очень»: попец к солнцу — ну, та самая «собака мордой вниз». И как раз под взор человека, которого я сейчас вообще не ждала не то что увидеть, а даже услышать...

— Ого! Привет водоплавающим!

Его низкий голос и цепляющая хрипотца прошивают моё и без того влажное тело волной мурашек, обосновавшихся в итоге внизу живота и делающих меня ещё более мокрой в самых разных местах...

Я разворачиваюсь и опять сажусь в лужу... Это Ольхов!

Он так улыбается, глаза прямо искрятся... Опять он застал меня кверху задом, а не фасадом... Как и тогда...

Флешбэк (три с половиной года назад, после разговора с «Конём в пальто», притаившимся за ширмой в комнате психразгрузки)

Захожу в аудиторию. Наша группа уже почти в сборе, а препода ещё нет. Архитектурное проектирование... В первом семестре его вёл Станислав Иванович, но он решил передать дисциплину новому преподавателю. Кому именно — мы пока не знаем. В расписании до сих пор значится «Вакансия». Надеюсь, будет кто-то симпатичный.

Костя, сверкая подбитым носом, виновато зыркает на меня и басит:

— Наташка, за маму извини... Она тут напылила.

— Угу. Привет ей! — я строю гримасу с псевдоулыбкой и киваю. Затем опираюсь на парту и подаю лицом к Костику, вызывая оттопырив зад. — А за себя не хочешь извиниться?

— Не... Кто б удержался не шлёпнуть по «сладкому месту» такую девочку? Ну, переборщил чуток...

— У меня синяк в пол-жопы!

И тут я слышу за спиной звук шагов. Характерный стук классических мужских ботинок по паркету... В таких ходят очень уважаемые и солидные мужчины. Незнакомец откашливается, и до меня доносится:

— Девушка, с вашей гибкостью вам бы на хореографический, а не на архитектурный факультет.

Твою ж... Это тот самый низкий, бархатистый тембр с притягательной хрипотцой. Безумно сексуальный. У меня перехватывает дыхание, а щёки заливает краской. Я чувствую этот голос кожей: он почти осязаемо проходит по моей спине и скользит ниже...

Я поворачиваюсь, и передо мной — ОН.

Классический костюм графитового цвета, ослепительно белая рубашка... Ремень, дорогие часы и те самые английские ботинки — чуть потертые, с намеком на то, что для него это просто повседневная обувь, а не парадный и показной лоск. Стильно и вкусно... так вкусно, что я невольно закусываю губу.

Он — настоящий викинг в дорогом обличье: мощный, широкоплечий, с копной светлых волос и ухоженной, но не «вылизанной» бородой. Никакого нарциссизма, только спокойная мужская уверенность. Ему чертовски идет...

Так, стоп. А это кто?

Его обволакивающий голос звучит для моего сердца как призывный горн:

— Наталья Александровна, лекция уже началась. Пройдите на место и прижмите уже свою, как вы сказали... — он сглатывает, — жопу к горизонтали, раз уж вы освоили все вертикали в этой аудитории.

Он уже не смотрит на меня. Проходит к столу и чеканит, обращаясь ко всем:

— Я, Илья Вадимович Ольхов, PhD по архитектуре, преподаватель King's College London и с этого дня — ваш наставник. Займите свои места.

Моя челюсть точно где-то на полу.

В этот момент я чётко осознаю: этот мужчина ворвался в мою жизнь не случайно.

Он или расхерачит всё к чертям, или создаст самый гениальный проект в моей жизни... или из моей жизни... Хочу второе!

Глава 2. Быть!

Илья

Матвеев позвонил, говорит, у его девушки Дарьи в квартире потоп. Еду спасать рыбок! На часах три часа ночи.

Я знаю, что «моя» Наташа — сестра Даши и Маши Андриевских (Машка девушка моего друга Серёги Кармацкого), мне недавно эту информацию слил сам Матвеев. После чего пообещал наваять, если с Натальей что-то пойдёт не так...

Вообще, интересная ситуация. Нас четыре друга, их — четыре сестры... Есть ещё Софья и Кармазин, но у них всё запутанно... И разными дорогами мы всё же нашли друг друга и потонули в океане страстей... Вот так и начнёшь верить во всякую хиромантию, судьбу, провидение и прочую шелуху.

То, что мы, как мужики, поплыли от этих девочек, лично у меня вопросов вообще не вызывает. А кто бы удержался? Ты покажи! Нет, я жду!.. Никто! Явно, никто...

Сестер Андриевских точно всех добывали в одной кимберлитовой трубке. Все как на подбор. И дело не в красоте, хотя тут — отлёт головы. Для меня как архитектора это пунктик. Эстетическая составляющая очень важна... Но тут совпало всё: ум, воспитание, красота. Даже юмор Наташкин, с лёгкой безуминкой, мне «ложится».

Если бы не несколько бьющих по рукам моментов.

Студентка и преподаватель — запрет. Но здесь я ждал и дождался... Не знаю, кого благодарить, что она за это время отметала всех придурков и не вляпалась в любовь с кем-то подобным... Хотя и тогда бы нашлись варианты. В экстренном случае плюнул бы, наверное, на всё и пошёл ва-банк! Я бы бросил универ. Всё равно это только маленькая прихоть, а не дело жизни. Я архитектор в первую очередь, а преподавание — скорее хобби или вялая попытка передать что-то от себя другим... А потом по принципу «пришёл — увидел — победил»!

Вторая «боль» сложнее, и её снятие будет зависеть не от меня. Я не верю, что женщина может совмещать блестящую карьеру и семью. А я хочу семью. Семью с ней. Наташка же явно грезит карьерой...

Конечно, я как мужчина желал бы, чтобы она стала всецело моей, но как преподаватель и архитектор, чтобы развивала талант и росла в профессии... Ситуация патовая!

Я был и свидетелем, и участником отношений с амбициозными дамами, готовыми положить на алтарь успеха всё: даже родившихся детей — такова моя мать. И неродившихся — такова была Севилья... Последними отношениями я заболел в Лондоне, но жизнь отрезвляет. Иногда наотмашь по лицу: предательством в карьере в виде украденного проекта и пощёчины в виде пренебрежения возможной семьёй и ещё не родившимся малышом.

Я так больше не хочу.

Но всё это время мы, не сворачивая, идём с Наташей к этой развилке, и я устал бороться. Пусть уже будет... Это же главный вопрос мужчины: быть или не быть? И я говорю: «Быть!». А как именно сложится это «Быть» — скажет Наташка...

Дверь не заперта, чуть толкаю и она поддается. И меня встречает не только мокрый пол, но влажная попа «в вишенку» моей Хариты*... Ну, что ж, в лучших традициях наших с ней встреч!

Флешбэк (три с половиной года назад, после разговора с Натальей Александровной, притаившимся за ширмой в комнате психразгрузки)

Интересная девочка, боевая.

Расхреначить пацану нос за то, что тот её больно шлёпнул? Отчаянная!

Но когда она об этом говорила, мне и самому захотелось взглянуть на «объект вожделе-ния».

Захожу в аудиторию. Сегодня у меня знакомство и первая лекция. Первокурсники, вто-рой семестр — мелкошная, наивняги, будем вдохновлять! Открываю дверь и спускаюсь по лест-нице к своему столу. И — ба! На моём пути прекрасный образец «возлежания». Эстетически притягательная в джинсах в обтяжку.

Слышу обрывок разговора про извинения и применение силы к объектам... А мир тесен! Так вот ты какая, девочка Наташа?

Она выдаёт про синяк на своей «опе», а я думаю, как бы не заржать. Она такая естествен-ная в своей непосредственности. Говорю ей про перспективность обучения на хореографиче-ском с таким-то прогибом... Она резко поворачивается — и всё...

Вообще всё!

В ту же секунду — раз и навсегда...

Ярко-красные губы, чуть пухловатые. Глаза серо-зелёные, излучающие свет. Аккуратный носик, скулы... Естественная, ничем не прикрытая красота. И грива эта ярко-рыжая!

Проходя мимо, ощущаю её запах. Дело не только в парфюме, хотя и он хорош — не топовый бренд и не дешёвая сладость, а тонкий аромат зелени, луговых цветов, нотки цитруса и вербены.

Представляюсь аудитории. Предлагаю всем занять места...

А сам я какое место займу, если хочу только рядом с ней?

Сейчас

Харита плюхается обратно на задницу в лужу и немного хнычет... Малышка моя, отбила себе такую прелесть. Эх...

Машка здоровается и говорит, что у них тут полный коллапс. Прячу улыбку, глядя на их «озеро» — они такие милые, водоплавающие в нём.

— Ну что, встаём, труженицы?

Наташка пытается подняться сама, но голыми ступнями скользит по влажному полу. За секунду до падения я рефлекторно подхватываю её за талию, но руки съезжают выше, припод-нимаю грудь. Влажный топ прилип к телу, и я замечаю горошины сосков, призывно меня при-ветствующие. Фиксирую её своим телом у стены.

Пространство между нами сужается, и я чувствую жар наших тел. Твою ж... Меня влечёт к ней безумно. Её сбившееся дыхание, покрасневшее лицо, пухлые губы... Она прикусывает губу. Что же ты со мной делаешь?

Из нашего на двоих чистилища нас вырывает голос Маши:

— Чё-то, ребята, я лучше посижу, пока тут всё не высохнет. Не хочу ноги ломать.

Я парирую:

— Сиди пока, Маш. Сейчас одну русалочку на мягкий камушек посажу и за тобой вер-нусь.

Наташка «отмирает», начинает брыкаться и опять выдаёт:

— У меня жопа мокрая! Какой диван?

Эх, ты! Миссис непосредственность! Опять у неё там что-то мокрое... Я сейчас сам с ней «прыскать» всяким начну... Держи себя в штанах, Ольхов!

— После такого потопа мебель всё равно менять, — чеканю я. — Так что твоя, хм... влажная попа ему не повредит.

Поднимаю её на руки... Как пушинка. Как живёт вообще? Не ест ни фиги, ну точно богиня! Усаживаю её на диван, случайно задевая грудь. Да чтоб тебя, Ольхов! Волна жара несётся к паху — и хрен её «потопишь»...

Наташка опять пытается взбрыкнуть, встать, и, пока Машке не до нас (она хочет сесть на коленки), я прислоняю к губам Наташи палец и шепчу: «Ч-ч-ч... успокойся...». Она так и замирает с чуть приоткрытым ртом и, кажется, больше не дышит. «Дыши!» — говорю ей одними губами.

Иду поднимать Машку. Пытаюсь действовать рационально, пока присутствие влажной во всех местах Наташки мне окончательно не сдуло крышу.

— Сейчас приедут ребята, уберут воду. Просушку начнут завтра. Если нужно, вскроют полы, просушат плиты. Ремонт в лучшем случае займёт недели две-три, с учётом быстрых поставок материалов. Ждём парней и потом едем ко мне.

Наташка бросает на меня свирепые взгляды. Такие же летят на Машку — у них там безмолвный спарринг... И моя богиня всё же взрывается:

— Никуда я с вами не поеду! И что вы со своими сроками? Ни один качественный ремонт после такого потопа не будет длиться две недели. Тут только просушка пола и стен дней десять-пятнадцать, при условии, что все соседи поступят так же.

— О как! Я гляжу, тут есть строитель? — одними глазами сигналю ей, что пора рассекречиваться хотя бы перед сестрой. Но она только огрызается:

— Есть!

— Хорошо! — Подыграю тебе, но до поры... — Будем знакомы. Илья Ольхов.

Наташка надулась и покраснела до ушей. Машка пытается разругать ситуацию как опытный медиатор:

— Илья, это моя сестра, Наталья Андриевская. И да, она многообещающий специалист. Заканчивает факультет дизайна и архитектуры.

Ну всё! Играем по-крупному. Выходим, Наталья Андриевская, из сумрака!

— Я знаю... И она идёт ко мне на стажировку.

У девчонок буквально падает челюсть. Машка явно не знала, что мы с Наташей давно и хорошо знакомы, а моя богиня «подбита» моей прямоотой.

Да не буду я больше скрывать и юлить! Хочу её себе. И пусть все об этом знают!

* Харита — древнегреческая богиня веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Именно Харита — символ эстетики, пропорций и декора. Она та самая «грация», которая превращает грубые здания и сооружения, возведённые Гефестом (её мужем) — богом, создавшим всю архитектуру Олимпа, — в настоящие произведения искусства.

Глава 3. "Говорящая" квартира

Илья

Отправляю девочек надеть обувь, чтобы больше ничего себе не отбили, и собраться ко мне. Через какое-то время приехали ребята из знакомой бригады. Пообщавшись и наметив фронт работ, они сразу занялись делом, а я сижу на «камушке», жду «Бесценную» и её сестру.

Девчонки «выплывают» в прихожую. Промокшая пижамка Наташки была тоже очень мила и сексуальна, но это что за... Бьёт под дых мужскому самообладанию. Не иначе как проверка на прочность! Я и так держу форму из последних сил...

На Наташке коротенькое зелёное платьице, чуть прикрывающее самые «невинные» места и облегающее её ох... какую фигуру. На её ножках хоть и не хрустальные, а замшевые чёрные туфельки, но на такой шпильке, что мне становится страшно за её передвижения. Она шагает твёрдо и уверенно, откидывая в мою сторону свои золотые кудри, и меня обдаёт её ароматом... ммм... Я лишь качаю головой и закатываю глаза, а хочется быть на луну... Но ничего, я тебе тоже сегодня устрою «луну»...

Машка собралась. У них две небольшие сумки с вещами. Девочки такие девочки... Подхватываю их багаж, и мы идём к машине...

Помню, как в студенчестве я несколько раз оставался в общежитии у пацанов — для ночёвки ничего особенного не нужно было, да и для жизни тоже. Если ехали с ребятами за город к кому-то на дачу, можно было просто запихнуть в карман плавки для купания и всё — готов!

Мы уже спустились и стоим у моей машины.

Машка волнуется и боится меня стеснить:

— Мы можем уехать к маме. Сейчас третий час ночи, пробок нет, минут за сорок доедем.

Ну что за дела? Я уже настроился, что это зелёное платьице с золотой гривой будет прохаживаться по моей квартире и возможно свернувшись рыжей кошечкой и останется там жить...

— Маш, вы машину ещё минут двадцать ждать будете. Поехали ко мне.

— Но до твоего поместья ещё дольше добираться!

Машка с Серегой Кармацким недавно были на моей днюхе, поэтому она знает и про поместье и про то, как оно далековато находится...

— У меня здесь квартира рядом, в паре кварталов. Долетим минут за пять. Отдохнёте, а завтра всё решим.

Наташка показательно закатывает глаза:

— Я, видимо, ветошь и права голоса не имею?

Не могу сдержаться и тоже показательно стону...

— Ммм... Наталья, вы всё имеете. И право, и голос, и даже отбитую жопу, — произношу я, уже не в силах держаться. — Только давайте уже поедем.

Маша тоже поддерживает:

— Наташ, поехали. Завтра утром всё решим.

Не даю больше никакой свободы воли. Дискуссии прекращаем! Открываю дверь, закидываю сумки и Машку усаживаю на заднее сиденье. А Наташка шурует, чтобы присесть с другой стороны.

— Наташ, садись вперёд! Там сумки, — показываю я на место рядом с Машей. Одними губами ей говорю: «Со мной поедешь!» — и открываю ей дверь рядом с собой.

Она снова показательно закатывает глаза, но походкой от бедра — хоть сейчас на подиум — идёт и, садясь в «карету», откидывает волосы. И они бьют меня по лицу... Ррр... Львица!

Поворачиваюсь к Машке и напоминаю, чтобы она набрала Кармацкому, а то мужик весь на изжогу уже изощёл.

Едем!

Пока Машка отвлеклась на разговор, у меня есть пара мгновений, чтобы урвать внимание Наташки. Её платьице ещё выше задралось, демонстрируя мне такие виды... Ну нельзя же так издеваться над мужиком, трогать-то нельзя... А мой внутренний железный стержень становится стальным... Выдыхаю... Она прячет улыбку и заглядывает мне в глаза с вопросом: «Как тебе?» Я только веду головой, морщу лоб и закусываю губу, демонстрируя: «Что помру сейчас»... Она тихо хихикает, а мне вообще не до смеха.

Наташка

У Ильи квартира в новом ЖК — из тех, где пространство «дышит». Огромный холл бесшовно переходит в гостиную, объединённую с кухней. Архитектор и дизайнер Ольхов здесь явно постарался: кухонная зона так органично вписана в интерьер, что её почти не замечаешь — просто чистые линии стен, за которыми спрятано всё лишнее.

В зоне отдыха — монументальный белый диван, на котором при желании легко рассладится человек восемь, и пара глубоких кресел. Мне нравится этот диван. Вот бы... — но я гоню непрошенные пошленькие мысли. В стену встроен лаконичный электрокамин — никакой вычурности, только уют. Со светом тоже поработали на славу: можно создать интимный полумрак в отдельных углах или включить яркое заливающее освещение. Хотя днём здесь и так света в избытке благодаря панорамным окнам с видом на сосновый парк.

Планировка простая и логичная. Из гостиной ведут две двери: одна — в гостевую спальню, а вторая открывает переход в небольшое крыло. Там находится ещё одна спальня, а рядом — комната, которая явно готовится стать кабинетом. Пока там спартанская обстановка: только диван и стол, заваленный чертежами, а рядом — ещё не распакованные коробки с книгами. Сразу видно, человек только обживается, но масштаб уже впечатляет.

Илья провожает Машку в гостевую комнату, а меня ведёт во вторую — тот самый необустроенный кабинет. Как бы невзначай говорит, что я могу воспользоваться ванной в его спальне, и кивает на дверь напротив. Озорные огоньки в его глазах так и сыплются на меня... Что-то задумал?

И, уже ретируясь от моих возможных вопросов и комментариев, он бросает через плечо:

— Я пока приготовлю чай.

Бросаю сумку в кабинете, выуживаю бельё с пижамой и иду искать ту самую ванную в его спальне. Захожу и замираю. Вау... Спальня огромная, метров тридцать, не меньше. В центре — монументальный подиум, на котором лежит кровать. Никаких изголовий, лишних подушек или мешанских рюшей. Всё строго и стильно: бельё глубокого графитового цвета, лаконичные прикроватные тумбы и свет в духе индустриального минимализма. Есть достаточно большое кресло, органично вписывающееся в это пространство.

Из комнаты ведут две двери. Первая — в гардеробную, и это просто рай для перфекциониста. Всё организовано по линейке: идеальные костюмы, хрустящие рубашки, шеренга

начищенной обуви. На полках аккуратными стопками лежат пуловеры и свитеры, рядом — два массивных комода и зеркало в пол. Но главное — здесь живёт его аромат. Густой, мужской, от которого мгновенно тяжелеет внизу живота и становится жарко. Впитываю этот запах каждой клеточкой и просто улетаю... Как же хочется сейчас капризно топнуть ножкой и заявить: «Хочу остаться здесь навсегда! И впитывать его...»

Но я заставляю себя вспомнить про душ. Вторая дверь — ванная. Здесь стерильная лаконичность: отделка из белого камня с редкими вкраплениями светло-серой мозаики. Огромная стеклянная душевая кабина, две раковины на единой столешнице и отдельно стоящая ванна по центру. Настоящий спа-минимализм.

Это правда — его интерьер. А я бы сюда вписалась?

Смотрю в зеркало на свою рыжую копну и насыщенно-зелёное платье...

— Мне кажется, Илья Вадимович, вашей жизни очень не хватает ярких красок... Выбери меня, выбери меня... — и на этих словах я замираю, потому что вижу в отражении Илью.

Он стоит в дверном проёме и всматривается в меня, ловя мой взгляд. Улыбается так по-мальчишески искренне, что я ничего не могу с собой поделать — тоже расплываюсь в улыбке, чувствуя, как щёки заливают краской смущения.

— А подслушивать и подглядывать нехорошо...

— А ещё нехорошо мужчину до инфаркта доводить, — парирует он, — надевая такие миниатюрные платья, которые заставляют желать всего. И не только ярких красок, а вообще... всего.

Он так смотрит, что коленки подгибаются... Но Илья вовремя берет ситуацию в свои руки.

— Наташ, принимай душ и выходи пить чай. Машка уже собирается ложиться, — он делает паузу, бросая на меня двусмысленный взгляд, и подмигивает. — А ты приходи... Или сам приду...

Ольхов умеет быть таким горячим? Ну всё, кружите меня, кружите!..

Глава 4. Размышления о методе тыка

Илья

Оставляю Наташку с её застенчивостью и дерзким зелёным платьем в душе. Сам бы с удовольствием остался там же, но нужно быть гостеприимным.

Предлагаю Машке чай — я как раз успел его заварить. Она отказывается и, взяв лишь стакан воды, собирается «к себе». Но я не могу не поднять разговор о Наталье, нужно прощупать почву:

— Маш, Наталья на меня обижена?

Машка качает головой:

— Нет.

— А в чём тогда дело? Ты не пойми неправильно, но мне ещё с ней работать...

— Знаешь, я тебе расскажу анекдот.

— Весь во внимании.

— Лекция по культурологии. Профессор спрашивает: «Как формируется культ личности или, проще говоря, кумир?» С задней парты голос: «Методом тыка, Иван Петрович, методом тыка!» Так что за интерпретацией — не ко мне.

Я хмурюсь и потираю лоб. «Кумир», значит... И Машка об этом знает — выходит, обсуждали. А как известно: кто на языке, тот и в сердце.

— Ага... понятно. Спасибо, Маша.

Она желает мне спокойной ночи. Смешно — «спокойствие» мне точно не светит, пока в шаговой доступности моя рыжая кошечка. Вторю ей тем же, и Машка уходит.

Наливаю чай, ставлю на поднос две чашки и иду в спальню. Наташка ещё не знает, что диван в кабинете вообще не предназначен для сна, так что придётся потесниться... Хотя её монолог перед «волшебным зеркалом» ясно дал понять: она и сама не против меня потеснить. Или быть со мной?

Метод «тыка» я бы применил! Этот метод вообще многое проясняет... И уверен, что «объект» был бы только за. Но что дальше? Я хочу не на один «тык», а насовсем и навсегда...

Захожу в спальню. Наташка ещё в душе: сквозь матовое стекло двери пробивается мягкое сияние и доносится приглушённый шум воды. Ставлю поднос на тумбу и включаю прикроватный светильник. Густой, медовый свет мгновенно съедает углы, создавая ту самую интимную атмосферу, в которой каждое движение кажется медленным и каким-то сладко манящим.

Подхожу к панорамному окну. Вид здесь достойный. Конечно, не масштаб моего загородного поместья с его вековыми соснами, но огни ночного города, рассыпанные внизу, имеют своё очарование. Дёргаю за край — тяжёлые шторы блэкаут бесшумно скользят по направляющим, окончательно отсекая нас от внешнего мира.

Пространство тут же сужается, становится локальным, только для двоих. В этой густой тишине, нарушаемой лишь всплесками воды, воздух, кажется, начинает вибрировать. Аромат её геля для душа с нотками цитруса и вербены уже просачивается в комнату, смешиваясь с моим парфюмом. Мой внутренний стальной стержень снова напоминает о себе. Жду... Её.

Наташка выходит из душа как раз в тот момент, когда я, задернув шторы, собираюсь взять чашку чая и устроиться в кресле. На звук открывающейся двери я поворачиваю голову, и меня обдаёт нежным, влажным ароматом... Ох...

Её волосы убраны наверх, кожа чуть покраснелась и блестит от капелек воды, которые сияют под мягким светом ночника. На ней только белое полотенце, которое она придерживает рукой. И я понимаю, что под ним больше ничего нет. Ольхов, слюни подбери и «стального» на засов! Я сглатываю... Связки не смыкаются, не могу и слова произнести.

Наташа «отмирает» первой. Боясь нарушить интимную атмосферу, она шепчет:

— Илья, ты здесь?

Я подстраиваюсь под её тон и тоже едва слышно отвечаю:

— Да. Принёс тебе чай... Нам.

Она смущена — и своей наготой, и моим присутствием. Щёки залил густой румянец, дыхание сбито.

— Наташ, я думаю, нам надо поговорить.

— О чём? — тихо спрашивает и опускает глаза.

— О нас... Но тебе нужно одеться, чтобы настолько меня не отвлекать.

— У меня вещи намокли. Я включила душ и...

Держусь из последних сил, на одних морально-волевых, но сознание уже подтапливают её образы в разных вариациях... Прикрываю глаза, пытаюсь переключиться.

— Подожди, я дам тебе что-нибудь.

Ретируюсь в гардеробную и приношу свою любимую футболку и шорты. Она благодарит и через пару минут выходит уже в моём. Ну, хоть так я буду сегодня к ней ближе...

Наташа собирается с духом и начинает подчёркнуто по-деловому.

— Вы хотели поговорить...

— Никаких «вы», когда мы наедине.

— Это правило? — взбрыкивает она и вскидывает бровь.

— Нет, это просьба.

— Хорошо. Ты хотел поговорить? О чём?

— Ты сегодня спишь здесь. На диван в кабинете я тебя не положу — сам туда лягу...

— Нет! — почти пищит Наташка. Протестует так искренне, что я не могу сдержать улыбку.

— Ты хочешь, чтобы я лёг здесь, — я указываю на огромную кровать, — с тобой?

— Она такая большая, что я тебя всё равно не замечу...

— Угу! Заметано! Я в душ!

Вижу, что Наташка не ожидала от меня такой прыти: стоит, приоткрыв рот. Я прикасаюсь большим пальцем к её подбородку и чуть подталкиваю вверх, предлагая прикрыть рот, обрамлённый этими пухлыми губками... Ох, беги, Ольхов, беги в душ!

— Уже не отмотаешь, Наташа... Пей чай.

И правда иду в душ. Потому что сдохну прямо сейчас. А мне ещё остаток ночи вдыхать её одуряющий запах и ловить волны жара, которые летят от неё, как позывные, и окончательно меня топят.

Быстро принимаю душ. Но не помогает — стоицизм зашкаливает. Минут пять под ледяной водой, и становится легче. Чуть трезвею от её чар.

Выхожу, растираюсь полотенцем, и тут мне в глаза бросается «сюрприз». И я не про её аромат, хотя он здесь повсюду и буквально взрывает меня изнутри и новой волной похоти, и страсти... На кушетке у ванны лежат аккуратно приготовленные вещи: шёлковая пижамка нежно-розового цвета и кружевные чёрные трусики... Абсолютно сухие.

Врушка... — мысленно выдыхаю я и улыбаюсь новым открытиям. Маленькая бесстрашная врушка — самый вкусный сорт...

Что там у тебя на самом деле намокло? Сейчас проверим, Наташа...

Сейчас проверим.

Глава 5. Первая мучительная

Наташка

Какой же он классный! Больше не хочу быть вдали от него. Четыре года самобичевания и тихой любви... От преподавателя и наставника — к мужчине моей мечты. Да кого ты обманываешь? С первого касания его тембра к твоей ушной раковине был запущен процесс неминуемой гибели от этого чувства. А этот тугодум всё ещё сомневается?!

Ну, пока я на его территории, могу немного пошалить, чтобы и ему было невыносимо сладко... Что, господин Ольхов, не ожидали? Хихикаю про себя.

Я специально вышла в полотенце. Зная его принципы, я была почти на сто процентов уверена, что он сам не перейдёт очерченные им же границы. Но боже, как хочется, чтобы эта красная линия между нами наконец исчезла! Буду играть по-крупному.

Битва с «ред флагами» началась!

Первый — пошатнуть вашу непоколебимость в отношении «наставник — студентка». Сделано!

Второй — а об этом подумаю завтра. Но ты держись, профессор! Держись, Илья Вадимович! Держи меня, Ольхов, — я вся твоя...

Решаю прилечь на кровать. Выбираю позу попикунтнее. Нет, не в наших «лучших традициях» мордой вниз — это было бы чересчур однозначно и невкусно. Укладываюсь на бок, эффектно вытянув длинные стройные ножки, и одну для нужного эффекта подтягиваю чуть выше, оставляя пространство для фантазии насчёт манящего афедрона... Всё для «посмотреть», но не для «потрогать».

Но, как это со мной бывает, что-то пошло не так. Четыре часа утра действуют безоговорочно. Стоило голове коснуться подушки — его подушки — и впитать в себя его аромат, как моё расслабленное тельце начало медленно уплывать в сон...

Илья

Хотите поиграть, Наталья Александровна?.. Ну что ж, сами запросились.

Выхожу из ванной, тоже прикрывшись одним лишь полотенцем, но не тут-то было. Наташка — такая домашняя в моей одежде, с шикарной копной огненно-рыжих волос, разметавшихся по подушке — уснула прямо на моей половине кровати.

Подхожу ближе. В слабом свете ночника она ещё прекраснее... Хочется просто присесть рядом и впитывать каждую деталь её ночной неги. Но нужно поспать. Хоть немного, иначе на завтрашние перепалки с ней у меня просто не хватит сил.

Одеваюсь и укладываюсь рядом. Жар от её тела, как я и предполагал, мгновенно окутывает мозг. Не ведая, что творю, на автомате притягиваю её к себе. Она во сне, будто так и должно быть, поворачивается и буквально вжимается в меня, закинув ножку на моё бедро... Ну вот и поспали. «Стальной» пробивает мозг: «Вкусно! Бери!» А остатки сознания шепчут: «Не трогай... Четыре утра — не время для такой изысканной еды. Нужно соблюсти весь ритуал, а для него нужно время и ясность».

Не могу ничего поделать с рефлексам. Прижимаю её ещё плотнее, чувствуя всем телом её тепло. Пытка... Губы сами находят её нежную шею. Её запах отправляет меня в мир таких

горячих фантазий, что внутри разгорается пожар, потушить который под силу только ей. Она что-то мурчит во сне и чуть хрипло выдыхает моё имя...

Точно скончаюсь.

Два часа совместных мучений и истязания «относительной неприкосновенности» отрезают любую возможность уснуть. Ощущение, что мне сделали лоботомию, оставив одну-единственную извилину, которая топит за продолжение рода. Я уже как волк готов выть. Отстраниться — выше моих сил, а лежать так — значит либо дожидаться остановки сердца, либо натворить дел, за которые потом не оправдаешься.

Аккуратно перекладываю её на подушку. Она хнычет и сопротивляется, не желая отпустить тепло. Укрываю её одеялом, а сам снова иду в ванну. Физическое напряжение удаётся снять быстро, в несколько движений, но мозг так просто не отфильтровать... Снова душ. На этот раз — максимально ледяной, чтобы окончательно выбить из головы фантомные ощущения её ног, переплетенных с моими. Хочу её безумно.

Утро не приносит облегчения. Оно врывается в моё сознание и проезжает по мне, будто бетоноукладчик... Мне нужно много кофе. Может, он и другое пространство, лишённое её присутствия, меня немного отрезвят. Ретируюсь из спальни, тихо прикрывая дверь.

Слышу, как в глубине квартиры хлопает дверь ванной. Моя Харита проснулась. Интересно, она помнит, как хныкала у меня в руках, не желая отпустить, или решит, что ей всё это приснилось?

Я стою у кухонного острова, опираясь на него руками, и смотрю на сосны за окном. Пью утренний эспрессо. Слышу её тихие шаги. Мягкие, осторожные — ну точно кошечка... Давлю улыбку. Она замирает в дверях, и я кожей чувствую её взгляд.

— Доброе утро, Илья... — голос у неё заspanный, с той самой хрипотцой, которая ночью едва не лишила меня рассудка.

После душа она переделалась в свою «скромную» пижамку из двух полосочек тончайшего шёлка, а я вспоминаю кружевные чёрные трусики, которые вчера заметил там же... И пиздец формируемому такими усилиями спокойствию. «Стальной» вновь обретает силу. Он уже почти чугунный: от одного её слова или взгляда может расхерачиться вдребезги...

— Утро добрым не бывает, Наташа, — отвечаю я чуть суше, чем хотел бы. — Кофе?

— Угу... Что, настолько всё со мной было плохо? — слышу нотки неуверенности в её голосе.

Ну уж нет. Это точно не наша тема.

— Ох, девочка Наташа, всё было настолько хорошо, что мне остро хочется продолжения. Вот прямо здесь. На этом столе...

Звучит пошленько, зато искренне. Вижу, как это мгновенно поднимает ей настроение и самооценку. Наташка закусывает губу, чтобы не заулыбаться во весь рот.

— Пей кофе, котёнок, и будем собираться в «Велес». У тебя сегодня первый день с несносным ханжой и твоим архитектором-наставником. Поехали.

— Хорошо, — она покрывается румянцем и прячет глаза.

Я подхожу к ней вплотную. Касаюсь ладонью её щеки, и она приоткрывает рот от неожиданности...

— Моя Харита!

— А ты, значит, Гефест? А где хромота, друже?..

— «Друже»... — хмыкаю я. — Ещё одна такая ночь, и я точно буду хромать — от тяжести в паху.

Оставляю её наедине с залитыми краской щеками и распахнутыми от удивления глазами. Бросаю уже через плечо:

— Я одеваться, чего и тебе советую, стажёр! Впереди нас ждут трудовые подвиги и много вкусного.

* Гефест — бог огня, покровитель кузнечного ремесла и самый искусный мастер, способный выковать всё: от молний Зевса до изящных украшений. Главный архитектор Олимпа. Его жена богиня Харита. Когда она входит в мастерскую Гефеста, она приносит туда свет и вдохновение. Без неё работа Гефеста была бы просто функциональной, но с ней она становится прекрасной.

Глава 6. Продолжение банкета

Наташка

Остаюсь на кухне... Да, судя по всему, своими неконтролируемыми ночными выпадами я устроила Илье настоящий курс выживания вместо сна. Интересно, что именно я вытворяла? Зная себя — от невинного бормотания про свои фантазии с ним до активного тактильного захвата территорий. Мой самоконтроль просто сдаёт полномочия и уходит в отпуск когда он поблизости.

Тело предательски хранит память о его упругости где-то в районе моего живота и бёдер... Сглатываю. Одни только сонные отголоски этих воспоминаний заставляют дыхание сбиваться, а уж каково было ему, живому и бодрствующему... Довела мужика. Надо срочно реанимировать свои позиции.

Как говорят, путь к сердцу мужчины лежит через... его трусы! Путь короткий, эффективный, но чертовски «скользкий», и мы до него буксуем в пробках уже четыре года. Так что возвращаемся к классике — кулинарному соблазнению. Готовлю завтрак.

Помню, как-то мы завтракали в кафе: ели нечто калорийное и совершенно нездоровое, но он был в полном восторге. Обычно Ольхов следит за питанием так, будто от этого зависит спасение человечества (ну, и откуда бы взяться этому божественному телу?). Что ж, внесём немного «грешного» вкуса и эстетики в его утро.

Затеваю оладьи: на кефире, пышные, кружевные — прямо кулинарное произведение искусства. К ним — свежие ягоды, йогурт и мёд... Хорошо, что в его холостяцком раю нашлись нужные ингредиенты. Стараюсь не греметь посудой: не хочу, чтобы систер проснулась и застала меня за ролью идеальной хозяйшки...

Оладьи получаются просто бомбические. Моя баба Лида точно бы одобрила: «Молодец, девка! Даже самый колючий мужик после такого блюда станет мягким, как пух». Слышишь, Ольхов? Тебе пора становиться мягким... Я хочу уже нырнуть в эту перинку. Ну, или хотя бы быть чуть менее хмурым. Этот шедевр заслуживает быть съеденным в приятной компании.

Накрываю на стол, любуюсь делом рук своих и буквально лечу в кабинет переодеться.

Илья

Уже готовый к рабочему дню, выхожу, чтобы захватить причину моего недосыпа — сладкую девочку и рыжую лисичку Наташку. Но в гостиной её нет. Зато есть прекрасно сервированный стол, на котором расположились две тарелки с пышными, идеально выложенными оладьями. Они украшены малиной, кусочками клубники и даже листиками мяты. Рядом — розетки с йогуртом и мёдом. Кофе...

Она даже где-то откопала льняные салфетки под приборы светло-бежевого цвета, и приготовила такие же для коленей, только белые. Водрузила по центру стола небольшую вазочку — импровизированную из необычного стакана для виски, вообще-то, — и поставила в неё пучок мяты с соцветиями. Отвал башки просто... За дизайн — твердая пятерка, за цветовое решение — тоже. Вкус оценим сейчас, но уверен: здесь все сто из ста.

А вот и она.

Наташ, ну нельзя же быть настолько притягательной...

От смеси запаха свежей выпечки и самой Наташки в голове проносятся флешбэки о том, как мы когда-то уже завтракали вместе.

Флешбэк (полтора года назад)

Первая неделя после сессии и каникул. Февраль. Температура за окном авто –30, в душе – 70, потому что я уверен: на мою пару по архитектурному проектированию она сегодня точно не придёт. Студенты — народ нежный, а такой мороз — повод уважительный. Да я и сам не хочу, чтобы эта девочка отморозила себе носик, ушки или... попу. На дорогах полная неразбериха, всё стоит, но я всё же добираюсь до университета почти вовремя.

Захожу в аудиторию ровно в девять — а она ждёт. Одна. Меня...

От неожиданности и радости, которая мгновенно затапливает всё внутри, хочется сгрести её в охапку и нестись на руках по коридорам. Посадить в ещё не остывшую машину и мчаться в тёплые страны — пить утренний кофе, есть круассаны, да что угодно, лишь бы с ней! И лишь бы не в этих стенах, где наши роли четко определены: преподаватель и студентка.

Она «отмирает» первой:

— Илья Вадимович, доброе утро, — в её голосе слышится сонная нега и искренняя радость от встречи. Надеюсь, именно со мной.

— Приветствую, Наталья! Больше нас никто не почтит своим визитом?

— Нет, ребята отписались, что замерзли, а кто-то застрял в пути.

Мне чертовски нравится этот поворот. Вообще, я продолжил этот эксперимент с вузом только из-за неё. Если бы она только знала... Я даже других групп не брал. Только её.

— Наташ, раз никто больше не придёт, приглашаю тебя выпить кофе в ближайшем ресторанчике.

Тут неподалеку есть пара неплохих мест, даже французский ресторанчик с приличными завтраками.

— А нам можно? — эта рыжая лисичка заливается густым румянцем.

— Можно. За пределами вуза можно всё. Это же просто кофе. Мы не будем нарушать границ...

— Я бы нарушила, — тихо шепчет она, но, видимо, испугавшись собственной смелости, закусывает губу и отводит взгляд.

Мой самоконтроль в этот момент дает серьезную трещину. И я шепчу ей:

— Я бы тоже...

В полупустом ресторанчике пахло корицей и предвкушением. Мы заняли самый дальний столик, скрытый тяжелой бархатной шторой от любопытных глаз. За окном бесновалась вьюга, а здесь, в интимном полумраке, воздух буквально искрил.

Она заказала те самые оладьи с ягодами — такие же, как сегодня готовила на моей кухне. Но смотрел я не на еду. Я смотрел на её губы, на которых застыла капля меда, и на то, как она, поймав мой взгляд, медленно слизнула её, не отрывая глаз от моих.

— Илья Вадимович, — её голос опустился до едва различимого шепота, — вы так на меня смотрите... будто ставите «незачет» по поведению.

— Напротив, Наташ. За поведение я бы поставил вам «отлично». А вот за то, что вы делаете с моей выдержкой — тут явный провал.

Я накрыл её ладонь своей. Кожа была прохладной, но в месте нашего соприкосновения будто прошел разряд тока. Она не отстранилась. Наоборот, переплела свои пальцы с моими. В ту секунду дистанция «преподаватель — студентка» сократилась до расстояния одного вдоха.

— Вы обещали не нарушать границ, — напомнила она, а сама подалась вперед, так что я почувствовал тепло её дыхания.

— Я солгал.

Не контролирую больше себя. Поддаюсь навстречу, сокращая последние сантиметры... Это был не просто поцелуй — это было признание, долгожданный взрыв всего того, что мы копили месяцами в душных аудиториях. Вкус кофе, сладость ягод и морозная свежесть её кожи — всё смешалось в один безумный коктейль. Моя рука собственнически легла ей на затылок, притягивая ближе, а её пальцы впились в мои плечи.

Мы были в самом центре города, за окном спешили люди, но в этом маленьком французском уголке мир перестал существовать. Были только она и я, и острое осознание того, что «как прежде» уже не будет никогда.

— Илья... — выдохнула она мне прямо в губы, — что мы скажем в деканате?

Я притянул её ближе, чувствуя, как внутри окончательно рушатся все барьеры.

— Скажем, что у нас индивидуальное занятие по изучению... сопротивления материалов. Не думай ни о чем и позволь мне поступить так же. Хотя бы сегодня...

Сейчас

Наташка

Выбор у меня небольшой — и в одежде, и в тех эмоциях, что топят меня. Надеваю захваченный вчера костюм: чёрные укороченные брюки и элегантный жакет, выгодно подчеркивающий изгибы... А что, совсем неплохо! Слюноотделение моему боссу точно гарантировано. Шпильки как вишенка на торте — идеальное обрамление моих миниатюрных стоп и узких щиколоток.

Выхожу в холл, и передо мной — боже мой! Ольхов тоже расправил крылья. Он и так безнаказанно хорош, но в тёмном костюме и кипенно-белой рубашке без галстука, с парой расстёгнутых пуговиц, выглядит просто «вау»... Вкусно, очень вкусно.

Его глаза транслируют полное восхищение моим образом, а губы беззвучно произносят: «Чистый секс!» Это вообще наша фишка — многое говорить глазами и мимикой. Мы часто не позволяем себе произносить лишних слов вслух...

Присаживаемся за стол. Я ещё раз окидываю его взглядом: я довольна. Илья пробует завтрак и оценивает его по достоинству.

— Ммм. Всё просто сто из ста. Ты удивляешь меня, Наташ, — он ведет рукой в воздухе, словно очерчивая мой силуэт. — Такая неземная красота, изящество, грация... а дома ты просто потрясающая хозяйка. Правда, это очень красиво и вкусно.

Я лишь сдержанно улыбаюсь и киваю в ответ.

Как только с завтраком покончено, он сам убирает посуду. Пишет записку Машке, оставляет ключи и жестом приглашает меня на выход. Илья следует за мной, позволяя себе якобы невинный жест — опускает горячую ладонь на мою поясницу. Она будто прожигает на мне невидимый знак: «Собственность Ольхова».

Мы почти бесшумно выходим, чтобы не разбудить Машку.

Но влияние лифта и закрытого пространства делают своё дело... Его парфюм с нотками табака и бергамота окутывает меня, и я не могу перевести дух. Мне мало, я не могу им насытиться.

Стараюсь вдохнуть глубже, и в этот момент он примыкает к моим губам, давая долгожданный воздух... Наш поцелуй неистовый, страстный; его влажные, тёплые губы отзываются во мне каждой клеточкой. Умелые, большие, горячие ладони скользят под жакет, сжимая мою талию и поднимаясь выше... запуская волну горячих мурашек по моему телу.

Он разрывает поцелуй так же резко, как ворвался в него, и прислоняется лбом к моему лбу. Дыхание сбито у обоих, мы дышим глубоко и шумно. И, как тогда, еще четыре года назад, его голос звучит слишком сексуально:

— Наташ, как оторваться от тебя? Как быть вдали? Как, девочка?

— Не будь... Ты же знаешь, что и я этого хочу.

— Не знаю, но чувствую...

Глава 7. Жмут

Наташка

Едем с Ольховым в его машине до офиса. Весь рабочий настрой сдуло ветром привкусом кофе и малины... Поплыла Наташка, а сейчас нужно держать спину прямо. Всё же я на стажировку, а это — работа.

Как-то давно Ольхов, читая в нашей группе лекцию, парировал одной моей одногруппнице. На вопрос о том, есть ли шанс у женщины в мире большого искусства занять высокую позицию, он ответил: «Если вы не Заха Хадид, то и нечего начинать!» Эти слова сопровождают меня уже три года.

Я-то чётко осознаю, что, несмотря на мои успехи, я далека от таких высот. Я не Заха. Хотя бы потому, что у меня нет отца-министра, а есть лишь мама — школьный учитель, талантливые сёстры, которые сами лишь начинают строить карьеру в далёких от архитектуры областях, а ещё деда Коля и баба Лида — пенсионеры и наши подмосковные «курортники». Хотя дед и генерал-майор в отставке, а бабушка — ведущий хирург на заслуженном отдыхе, мне это явно никак не поможет занять верхние позиции в иерархии архитекторов с мировой известностью.

Я чётко знаю, кто я. У меня здоровые представления о реальности, а не дурь в голове. Но почему-то Илья уверен, что у меня иные амбиции и планы...

Как переубедить? Завалить стажировку? Но с его перфекционизмом это сомнительный вариант. Сильно не проявлять себя и не отсвечивать — не в моих привычках. Если уж полетело, то не поймаешь. Топить за откровения и чувства? Да! Пора, Ольхов, поговорить начистоту, только надо выбрать момент...

С выбором моментов у меня всегда полное фиаско или, в моих традициях, полный «афедрон»... Давлю улыбку от этой ассоциации. Илья замечает и тоже искренне улыбается.

— Наташ, я сначала познакомлю тебя с «Велесом» и основными ребятами, с которыми ты будешь сталкиваться, а затем уже — за работу. Доки твои в универ я вчера отправил.

— Спасибо за заботу... — Я правда удивлена. Обычно студенты сами носятся с договорами с мест практики, а тут такая «заботушка». Приятно. Очень.

— У меня намечается проект с Димкой Матвеевым и ещё одним нашим другом, Тимой Кармазиным, — строительство нескольких шале и вилл в курортной зоне. Нетипичный ландшафт и природа: горы и леса... Хочу тебя подключить. Интересно?

— С тобой я готова хоть бани в Подмоскovie строить.

— Ты слишком плохо обо мне думаешь... и о себе, — он качает головой. — Это точно не наш профиль. Никогда не берись за проекты, которые тебя не проявят и не дадут возможности вырасти личностно и профессионально.

— Иногда и строительство бань может позволить человеку вырасти... Например, поумерить свою гордыню.

Ольхов аж присвистнул и пристально всмотрелся в мои глаза.

— Какая мудрая у меня стажёрка. Даже как-то волнительно за свою пропащую душу... Гордыня и тщеславие — два греха, которые сопровождают любого профессионала, достигшего успеха. Просто их умело скрывают. И даже я.

Я удивлена такой откровенности Ильи. Но, как я и говорила: «вылетит — не поймашь», и я продолжаю:

— А я бы предпочла строить бани и не быть Захой Хадид, зато иметь семью и детей...

Илья явно поражён моими словами. Его брови взлетают вверх, и он опять бросает на меня меткий взгляд.

— Боюсь, что это лишь эмоции, Наташа. Через несколько успешных проектов ты захочешь иного...

— Нет!

— Сначала попробуй. А потом мы уже будем говорить о другом...

Ох-х-х... Ольхов — тот ещё Эверест. Не добраться, не достучаться... Ничего.

Камень за камнем. Камень за камнем...

Илья

Знала бы она, как её слова пробивают насквозь, по всем моим болевым точкам. Но это я взрослый тридцатипятилетний мужик, а она двадцатилетняя — неискушённая девочка, которая в жизни ещё не пробовала фактически ничего. Ни первого успеха в самостоятельном проекте, ни — в чём я больше, чем уверен — первого мужчины и настоящего секса... И то и другое может оторвать голову настолько, что остальные стороны жизни завалятся и рухнут. Плавали, знаем...

Я не хочу быть абьюзером, который, назвавшись её мужчиной и прочно поселившись в её голове, сердце и трусиках, закроет ей возможность достичь чего-то иного, кроме статуса жены и матери. Она вон уже готова бани строить, не реализовав ни одного действительно стоящего проекта! Я хочу, чтобы она делала выбор осознанно, когда у неё за плечами будет реальный опыт и признание собственного таланта. А уже после — сама, ведая что творит, придёт или не придёт ко мне.

Конечно, это время. Время, которое ни я, ни она не хотим терять, но его нужно дать. Это будет правильно и честно. И по отношению к её возможностям, и по отношению к моим желаниям иметь здоровые отношения и полноценную семью.

Но как объяснить ей и свои чувства, и свои намерения, если одно её присутствие рядом лишает меня мозгов? Одно лишь дыхание пробуждает первобытные инстинкты — обладать и продолжать род. После совместной ночи и этого сумасшедшего утра я вообще не хочу выпускать её из виду... Но как не трогать? Как?

Мы подъезжаем к офису. Это реконструированный особняк в историческом центре города — монументальный кирпич и строгие линии. Моя территория находится на самом верху, под самой крышей.

Офис «Велес» — это идеальный баланс между историческим наследием и агрессивным модерном. Мы сохранили аутентичную кирпичную кладку и массивные деревянные балки перекрытий, но вписали в них тончайшие стеклянные перегородки и стальные стеллажи. Здесь высокие, уходящие в бесконечность потолки и огромные мансардные окна, через которые в помещение врываются потоки естественного света.

Всё пространство пропитано запахом дорогого кофе, свежей печати и амбиций. Мебель — сплошной минимализм: монохромные столы, эргономичные кресла и ничего лишнего. В центре — огромный макетный стол, сердце нашей студии. Это место, где старина встречается с

технологиями, и сейчас я ввожу сюда свою главную «технологию» — огненно-рыжую стажёрку, которая уже успела перестроить все мои внутренние чертежи и постоянно рушит планы...

— Бог живет под крышей?

— Хорошо, что у тебя нет ассоциаций с Карлсоном... — парирую я, пряча улыбку.

— Не, ну какой ты Карлсон? Хотя ты и правда мужчина в самом расцвете сил, — говорит Наташка и поправляет воротник моей рубашки, намеренно задевая ноготками шею...

Это прикосновение мгновенно отдаётся жаром в паху. Так, стоп. Иначе о работе можно будет забыть, не успев её начать. Перехватываю её ладонь, сжимая чуть крепче, чем требует приличие, и тяну за собой.

— Пойдём. Познакомлю тебя с коллегами.

Наташка

Илья знакомит меня с ребятами, и, самое главное, представляет своей ассистентке... Девушке с большими «планами» и «видами» на жизнь. А Ольхов явно эксперт в женской анатомии!

Марине лет тридцать, она — классическая ухоженная блондинка. Идеальная пара для такого «аристократичного брутала», как Илья. Джентльмены ведь, как водится, предпочитают блондинок... Хотя она и крашенная.

Куда тебе со своей рыжей копной кудрей?! Сиди в углу и не отвечивай...

Илья и правда выделяет мне место прямо в своем кабинете в углу. Но здесь уютно, я не «отвечиваю» во время потока вдохновения своего гуру и могу наблюдать и скоро, надеюсь, даже участвовать в регулировании этого потока.

Не нравится она мне. И ноги у неё кривоваты. Нет, точно не вариант для Ильи!

Она — ассистент или секретарь Ольхова. Я — стажёрка и сижу к нему ближе, и, видимо, блондиночку это бесит... А у меня даже её отдалённое присутствие вызывает приступ изжоги. Она вымучивает ответную улыбку и, пока Ольхов не видит, закатывает глаза, после чего выходит вон. Чую, нам с ней скучно не будет...

Марина явно решила экспроприировать внимание моего Ильи. Поэтому уже через пять минут шаркающей походкой от бедра своих кривоватых ног, обтянутых джинсами и демонстрирующих те самые пресловутые «виды»... нет-нет, Ольхову этого не надо, у него есть персональный «натальин афедрон»... Марина wpłyвает в кабинет. Ольхову достается чашка ароматного эспresso, а мне — стакан воды. Видимо, из-под крана и с щедрой порцией её ядовитой слюны...

— Наталья, дорогая, — воркует она, старательно обходя мой угол, будто там зона отчуждения. — Илья Вадимович у нас работает в режиме «стерильной тишины». Постарайтесь не шуметь... У него очень тонкая психическая организация.

«Обожаю» таких людей: они всегда начинают говорить мягко и приторно-сладко, чтобы потом было удобнее подставить. Надо сразу обозначать границы, а то не отмахнешься от этой «ляди»...

— Не переживайте, Марина, — отвечаю я, лучезарно улыбаясь и подражая её тембру. — Я в курсе его предпочтений и всех «структур», даже психических... Вот только вчера мы до глубокой ночи обсуждали... структурные излишества.

У блондиночки взлетают нарисованные брови, а подколотые ботоксом губки устремляются вниз. Съела?

— Структурные излишества? — переспрашивает она, бросая быстрый взгляд на Илью, который в этот момент подозрительно внимательно изучает чертёж, хотя я готова поклясться: он сосредоточен исключительно на нашем диалоге.

— Угу, — киваю я, окончательно добивая её. — Илья Вадимович считает, что иногда нужно избавиться от всего наносного и искусственного, чтобы увидеть... суть. Правда, Илья?

Ольхов кашляет, едва не поперхнувшись своим эспрессо. Марина багровеет и, прошипев что-то про «расписание встреч», выметается из кабинета, едва не задев косяк своими «планами» и «видами».

— Наташа, — Илья наконец поднимает голову, и в его глазах пляшут те самые озорные чёртики. — Ты сейчас занимаешься профессиональным вредительством.

— Почему? Я просто налаживаю коммуникации в коллективе!

Он медленно встаёт и идёт ко мне — тягуче, как хищник, который крадётся к своей добыче. Разворачивает мой стул спинкой к столу и замирает напротив, фактически впечатывая меня в пространство между своими руками. Упирается ладонями в столешницу и смотрит прямо в глаза. Его ухмылка пробивает меня насквозь. Я закусываю губу, пряча ответную улыбку.

— Накажешь меня за превышение полномочий или за несоблюдение профессиональных границ? Выбирай, Илья Вадимович, пока я ещё чего-нибудь не натворила.

— Знала бы ты, как мне хочется... — он делает намеренную паузу, — наказать тебя. Но жалко твой «афедрон», да и в офисе это чересчур пошленько...

— А не в офисе?

Он закидывает голову и смеётся. Качает головой, всё ещё не сводя с меня глаз.

— Наташа, что ты творишь... Мне как сейчас работать? Думать получается только о взаимно удовлетворяющих наказаниях...

— Не думай. Делай...

Шах, Ольхов!

Его взгляд туманится, он наклоняется ко мне. Я прикрываю глаза, мои губы тянутся навстречу, но сталкиваются лишь с потоком его горячего дыхания и тихими словами:

— Остынь, девочка, остынь...

Он выпрямляется и как ни в чём не бывало идёт к своему месту. Твою ж... Обыграл! Уже сидя за столом и глуша улыбку, он одними губами произносит: «Шах и мат!».

Я показательно скулю и падаю лицом на стол. Но я не сдамся. Финалочка точно будет за мной! Поднимаю на него взгляд, в котором всё ещё пляшут огоньки азарта.

— Илья Вадимович,.. а «брючата» не жмут?

Он тоже показательно падает лицом в стол. И оттуда доносится смех сквозь слезы и сдавленный бас:

— Шёл первый день её стажировки, а у него уже всё вскипело. Вообще всё, Наташ... Мы оба тихо смеёмся.

Глава 8. Изысканное блюдо

Илья

Звонит Серёга Кармацкий, и я хоть немного отвлекаюсь от этой Бесценной сегодня во всех смыслах стажёрки.

Объясняю Серёге, как обстоят дела с «аквариумом» — квартирой Машки и Наташки. Даю контакты прораба и обещаю помочь со всем, что касается архитектурных и дизайнерских вопросов. С такой-то помощницей нам точно всё по плечу!

Кармацкий говорит, что заберёт сегодня Машку сам.

— Хорошо, передам из рук в руки...

— Э! Руками не трогать!

— Какой ревнивый мужчина, прямо бык! — оба ржём. — Ладно, не из рук в руки. Приедешь и сам заберёшь.

— Ты-то будешь вечером? Увиделись бы.

— Да, мы подъедем.

— Мы? — Серёга явно удивлён.

Он знает про моё «влипчивое» состояние в одну студентку, но не в курсе, что это Наташка, сестра его Маши. Короче, если что, меня будут бить сразу два лучших друга. Кармацкий — за то, что «обижу» Машкину сестру, а Матвеев — за Дашкину... Надо как-то Кармазина опередить в выстраивании адекватных отношений, а то и он навалит, как парень Сони. Ох, быть мне битым! — смеюсь я в душе. Нет, не быть. Мы всё решим с Наташкой. Всё решим...

— Наталья Андриевская у меня на стажировке.

Кармацкий аж присвистывает. Конечно. Наш айтишный гений дважды два быстро сложить может...

— Только не говори, что это та самая девочка, которую ты четвёртый год испытываешь собой...

— Зачем говорить, если ты и так понял.

Он смеётся, но как-то не по-доброму.

— Что-то мне аж поплохело, Ольхов... Вы там что с Матвеевым, сговорились? Один чёрт знает когда клинья начал подбивать, другой тоже три месяца скрывался. Один я адекватный: пришёл, увидел, полюбил... Ты там, Илюха, что устроил? Девочке четвёртый год мозги компостируешь... Заберёт олень какой-нибудь — потом не пищи. А если сам будешь оленем, так я тебя отпижжу...

Мы, конечно, смеемся, но Кармацкий прав... Как всегда, и как никто другой — прав.

— Ладно, ждём вечером! Забирай свою зазнобу.

— Угу, пока. И совет от старшего: Наташку руками трогать можно. Она совершеннолетняя, и за четыре года уже «сварилась» окончательно. Бывай!

Немного переключив мозги, показываю Наташке концепт комплекса для Кармазина. Обсуждаем энергоэффективные материалы и специфику фундирования в горной местности. Девочка — молодец, соображает быстро: если чего-то не знает — впитывает каждое слово.

Я признаю её сильные стороны в эргономике и интерьерных решениях, но в вопросах конструктивных схем и свойств материалов мой опыт неоспорим. Впрочем, даже у меня глаз замыливается, пропуская свежие идеи из-за привычных шаблонов. Наташа же смотрит на проект без фильтров, и это именно то, что мне сейчас нужно. Даже если у неё нет готового совета, проговаривая детали ей, я нередко сам нахожу лучшее решение. Здорово, когда есть с кем обсудить проект — с тем, кто не только понимает, о чём ты, но и может предложить что-то внятное.

Работа идёт отлично. Я честно опасался, что под влиянием нашей «химии» и «физики» мы не сможем адекватно общаться на профессиональные темы, но нет. Наташка — умница. Чётко проводит границу между личными и рабочими моментами.

Когда мы уже собираемся выходить из офиса, говорю это своему маленькому стажёру:

— Наташ, спасибо. Я боялся, что у нас не получится работать без отвлекающих моментов, но ты молодец. Чётко развела работу и личное...

— Учусь у вас, Илья Вадимович. Вы буквально с первого дня мне твердили, что разграничить деловые и личные отношения очень важно. Три года трындежа не пропали даром, профессор, — впитала как губка...

— Едем домой впитывать что-то ещё?

— Домой? Я думала уехать к маме. Мне, конечно, оттуда далековато до «Велеса», но как по-другому? Квартира ещё не скоро будет отремонтирована.

Прерываю её словесные обороты:

— Наташ, ты поживёшь у меня. Как квартира будет готова — решишь. Или решим...

— Нет-нет-нет... А что я Машке и домашним скажу?

— Машке скажу я, и она поймёт. А родным можешь сказать, что живёшь на корпоративной квартире «Велеса».

— Я не буду лгать! — моя честная девочка. Хорошая, правильная...

— Не лги. Эту квартиру я и правда приобрёл на один из последних гонораров от «Велеса», поэтому доля правды здесь есть...

— Ну нет. Стеснять тебя я не хочу... У тебя наверняка активная социальная жизнь... — выпалив это, она прикрывает рот ладошкой и заливается румянцем.

Такая крошка, невинная... Я еле успеваю закусить губу, чтобы не подать виду: этой милой она меня буквально затопила, хочется улыбаться всему свету. Девчонка ревнует! Сегодня Маринке досталось, а теперь и разговор с пристрастием впереди...

— Наташ, да, моя жизнь не без социального аспекта, но ничего серьёзного не было с моего возвращения из Лондона... Несерьёзные связи вообще не стоят обсуждения.

— Почему это?

— Потому что для мужчины это не про отношения и чувства, а скорее про утоление голода. Физиологическая потребность...

— Но как без чувств... — она такая искренняя и вкусная, что я не сдерживаюсь. Подойдя к машине, прежде чем открыть ей дверь, мягко касаюсь её губ. Она чуть вздрагивает, но сразу открывается навстречу... Короткий поцелуй, и я отстраняюсь. Не время и не место.

— Наташ, можно четыре года хотеть отведать изысканное блюдо, чтобы потом всю жизнь совершенствоваться в его приготовлении и распробовать все оттенки. А можно просто есть, чтобы утолить голод...

— Угу, как «дошик». Если припёрло — можно и его...

— Наташ, ну это уж очень грубая аналогия, но суть ты поняла.

— А если ты распробуешь изысканное блюдо, то...

— То на твой этот «дошик» ни сил, ни желания, ни физики, ни химии уже не останется... Она тихо смеётся и отводит глаза. Вкусная, любопытная лисичка...

— Наташ, уже давно никаких «дошиков». Жду коронное блюдо и, видимо, скоро загнусь от голода. И «брючата» всё же жмут...

Я выруливаю с парковки, и мы смеёмся, встраиваясь в поток машин.
Домой.

Наташка

Работать с Ольховым мне всегда нравилось. Мы уже готовили несколько проектов, учебных и конкурсных — не так, конечно, плотно взаимодействуя, как сегодня. Но даже в переписке и на коротких консультациях в универе я всегда чувствовала, что мои идеи важны, и Илья Вадимович никогда не давил своим опытом и авторитетом.

Всего один день плотной работы с Ильёй — и моё пространственное мышление совершило резкий скачок. Я больше не смотрю на проект как на плоскость чертежа или красивую картинку в портфолио. Границы восприятия расширились до объёмно-планировочных решений, учитывающих сложный рельеф и инсоляцию горного склона.

Стало ли мне сложнее? В разы. Теперь я вижу не просто стены, а конструктивные узлы, теплотехнические характеристики фасадов и эргономику транзитных зон. Но вместе с этой сложностью пришла и странная уверенность. Я впервые почувствовала под ногами твёрдую почву реальности. Увидела в себе не просто студента, рисующего ради одобрения кумира, а полноценного проектировщика, способного предложить внятное решение по зонированию или выбору экологичных материалов.

Я учусь чувствовать тектонику здания. И это чертовски круто — осознавать, что твоя идея скоро обретёт физическую массу из бетона, стекла и дерева.

Может, Илья и прав: мне нужно попробовать себя в профессии, а уже потом определяться с тем, чего я истинно хочу в жизни...

Или все же совместить? Я за многозадачность!

Илья

Мы уже подъехали к дому. Дорога заняла чуть больше времени, чем планировалось. Серёга звонил: он уже на месте, но они нас дождутся.

Поднимаемся с Наташкой в лифте. Она немного отстранена. Готовится к Машкиному немому вопросу? Я легонько поглаживаю её по спине. Она чуть расслабляется.

— Всё нормально, девочка. Если что — я решу. Выдыхай. Я сам поговорю.

— Угу.

Заходим в квартиру. И это действительно дом: ароматы мяса с грибами и какой-то выпечки, голоса близких людей — всё это создаёт прекрасную атмосферу. Мы с Наташей проходим внутрь. Машка крайне удивлена, увидев сестру, но я даю ей негласный знак одними глазами: всё в порядке. Прошу взглядом, чтобы она не «пылила» на Наташку.

Мария — умная девушка, Кармацкому очень повезло. Эти двое действительно созданы друг для друга: оба интеллектуалы и просто красивые во всех смыслах ребята. Серёга как раз что-то увлечённо говорит про потрясающе вкусный ужин и то, что он достанется не весь ему.

— Да ты, Кармацкий, тут и так изрядно убавил, — усмехаюсь я. — Чего жалуешься? Привет!

Жму ему руку.

— Привет! Да там ещё полно. Просто ум отъесть можно!

— Сейчас, сейчас... Наталья, проходи, мой руки и за стол.

— Привет всем, — Наташка начинает оправдываться, а её щёки горят огнём. — Пробки просто десятибалльные, вот я и здесь. Чуть позже поеду к маме...

— Угу, — кивает Машка и смотрит на меня. А я, пряча улыбку, одними губами произношу ей: «Она остаётся! Я присмотрю». Машка без энтузиазма, но когда получает и негласное одобрение моей персоны со стороны Серёги (тот лаконично показал «палец вверх»), соглашается, кивая головой.

Мы присоединяемся к ужину.

— Маша, это очень вкусно, просто перфекто!

Наташка просто тихо ест, периодически бросает взгляды на Машку и всё больше краснеет.

Маша с Серёгой уезжают ближе к десяти. Провожая их до выхода, пока Наташка делает вид, что складывает посуду в посудомойку, лишь выглянув на секунду и махнув Маше и Кармацкому рукой. Ну, лань пугливая, не меньше.

А я говорю Маше:

— Маш, Наташа на мне, не волнуйся за неё.

— Не обижай мою сестру. Она только с виду кремень...

— Она — алмаз, но я тебя слышал. Я обещаю.

Закрываю за ними дверь и всем своим существом ощущаю: сейчас мы с ней только вдвоём. Это такое чувство... Я даже описать не в силах. Но мне его достаточно. Пусть будет хотя бы это — то, что она рядом.

Подхожу к ней со спины. Она замерла у столешницы, — напряжённая, как струна.

Не говоря ни слова, накрываю её плечи своими ладонями. Чувствую, как она мелко вздрагивает, но не отстраняется. Медленно скольжу руками вниз, по её предплечьям, и заключаю в кольцо, прижимая к себе. Моя спина — её опора, мой жар — её убежище.

Утыкаюсь носом в её макушку, вдыхая этот сумасшедший аромат рыжих кудрей, в котором смешались цитрус, вербена. Она выдыхает — долго, рвано — и наконец обмякает в моих руках, откидывая голову мне на плечо.

В этой тишине кухни слышно только, как бешено колотятся два сердца. Одно — заёбанное дневным самоконтролем, второе — испуганное собственной смелостью.

— Тише, маленькая... — шепчу я ей прямо в висок, и мои губы сами собой находят чувствительную точку за ушком. — Всё. Мы одни.

Она перехватывает мои пальцы своими, сплетая их в замок. Тактильный контакт «кожа к коже» вышибает последние пробки в моей защите. Больше не нужно ничего играть: ни роль наставника, ни роль друга. Только она здесь, и мы.

Глава 9. Откровение

Илья

— Выдыхай, котёнок мой... Всё хорошо. Пойдём со мной.

Она такая податливая — просто берёт мою руку и идёт туда, куда я указываю. Конечно, я хочу отвести её к себе в спальню, но здравый смысл побеждает. Ей пока нужно немного дистанции между нами. Я видел блеск в её глазах, когда мы обсуждали сегодняшний проект. Она может сколько угодно твердить, что согласна на строительство бань и на «рай» в виде семьи и детей, но пока в ней говорит юношеский максимализм. Ей сначала нужно попробовать «еду», чтобы потом чётко сказать, что она хочет, а что нет. Так что, «стальной», тебе сегодня ничего не светит...

Веду Наташу в гостевую спальню, где ночевала Маша. Там ей будет удобно: отдельная ванная со всеми необходимыми мелочами.

— Илья?

— Я знаю, малышка, я тоже очень хочу... Но пока так для тебя будет правильнее.

— Я так не думаю.

Я провожу её в комнату и усаживаю на кровать, а сам присаживаюсь рядом, поглаживая её ладонь.

— Наташ, смотри, — я начинаю аккуратно, потому что, зная эту дерзкую лисичку, можно получить нехилую «обратку», и тогда выкруливаться будет сложнее. — Когда мы сегодня обсуждали проект шале, что ты почувствовала? Можешь не отвечать мне, но ответь себе — честно.

— Я почувствовала себя... сильнее. Что я, наверное, смогу этим заниматься, — вижу, как она поводит плечами, её интонации сродни извинению.

— Шшш, Наташ, — я глажу её по расслабленной спине. — Не нужно думать, что это плохо. Не нужно оправдываться. Это нормально — понять, что твой уровень уже не студенческие наброски, а реальные идеи, которые получают жизнь. Это хорошо. Это твоё дело...

Она явно не знает, как реагировать.

— Дай себе время. Знаешь, я бы тоже мечтал начать наши отношения с чистого листа. Не как преподаватель, не как руководитель, а как твой мужчина... Но остальные стороны не отменить. И я хочу, чтобы ты распробовала себя не только как мою студентку, но и как мою коллегу. А уже потом решила, хочешь ли ты стать моей женщиной. Со всеми вытекающими...

— Илья, как ты можешь сдерживаться?

— Не могу. Меня периодически «заваливает», — я прячу ухмылку, вспоминая вчерашнюю ночь. — Наташ, дай себе немного времени, а потом мы поговорим. Это не значит, что все карты в твоих руках.

Я уже улыбаюсь, и она, считав мой настрой, тоже тихо смеётся.

— Например, если ты через какое-то время категорично мне скажешь: «Илья, пока, не хочу пробовать с тобой», — я не приму. Я попытаюсь всё же показать тебе альтернативы. Но если всё же «нет», то я отпущу...

Нам обоим становится уже не весело. Грустно.

— Я отпущу тебя как девочку, но не как перспективного архитектора. Здесь я продолжу держать руку на пульсе...

— А если я выберу тебя?

— Я не прошу выбирать только меня. Ты сможешь строить карьеру, но разумную... Я не запру тебя дома.

— Я не Заха Хадид... Я никогда не выберу только карьеру.

— Сначала попробуй, а потом выбирай.

— А ты чего хочешь для себя?

— Я хочу твоего правильного выбора — для тебя.

— А для себя?

— Худший сценарий — что мы разбежимся и в карьере, и в личном...

— А лучший?

— Ты — моя муза и правая рука, мать моих детей и любимая женщина навсегда.

Мы немного сидим в тишине, смотрим друг другу в глаза, я глажу её ладонь.

— Я хочу пережить с тобой осеннюю простуду и пить чай, свернувшись под одним одеялом. Хочу пройтись вместе с тобой по первому снегу и встречать каждый свой Новый год. Хочу твоими глазами видеть весну и нести тебя на руках сквозь лужи. Хочу окунаться с тобой в лето и вместе пить его запахи, его тепло... Я всего этого хочу вместе с тобой... И никогда не расхожусь. Но только если и ты это примешь не как вынужденное, а желанное. Хочу взаимности...

— Илья... — Наташка явно не ожидала от меня таких слов. Её глаза блестят, но я говорил всё это не для того, чтобы затопить её слезами.

— Наташ, у меня было почти четыре года, чтобы это понять и осознать... — я притягиваю её к себе.

Она такая хрупкая, нежная, полностью расслабленная. Моя девочка с волосами закатного солнца...

— Я люблю тебя...

Я вдыхаю её аромат за ушком и шепчу то, что должен был сказать ещё в первый день нашего знакомства. Или в том французском кафе, после нашего первого поцелуя, когда она убежала от меня, как пугливая лань. Или тогда...

Флешбэк (годом ранее)

Мы с Матвеевым заехали в клуб. Чисто мужские посиделки. Тима не в городе — как всегда, в Сочи на горнолыжке. Кармацкий улетел в Нью-Йорк на очередную конференцию... А мы пошли созерцать красоту и, может, поиграть в Хемингуэев, как у Гришковца в «Рубашке». Но достойных «объектов» в этот вечер не нашли.

После полуночи, когда народ уже был изрядно весел, в зал вошла она с подругами... Как драгоценный алмаз среди угольков. И всё — мой вечер перестал быть томным.

Я, как сталкер, следил за всеми её передвижениями, следил, чтобы её никто не обидел. Долбоёбов полно, к ним не раз подкатывали какие-то обсосы, но девчонки умело их отбривали. Но потом к ним подсели серьёзные дяди. Примерно моих лет. И запахло жареным. Один схватил её за руку, хотел притянуть к себе, но она, видимо, сказала что-то дерзкое, и он буквально озверел. Дёрнул на себя, попытался вывести из клуба.

Конечно, мы с Матвеевым подорвались. Вернее, сначала вскочил я, как ужаленный, а Димка пошёл следом, чтобы я чего не натворил... Мы перехватили их на улице, когда этот лоб пытался запихнуть мою девочку в свою машину. Она сопротивлялась, пару раз успела его пнуть и поцарапать лицо, но куда там против такого амбала.

— Эй! Девочку оставь в покое.

Наташка, увидев меня, впала в ступор. Глаза полные слёз — то ли от боли, то ли от ужаса. Этот олень пытается что-то отвечать:

— Мужик, шёл бы ты... Мы сами разберемся.

Я его особо не слушаю, но вижу, что он ослабляет хватку.

— Наташ, помочь?

Она только трясёт головой в знак согласия... Я еле держусь, чтобы этого уёбка тут и не зарыть. Отлепляю его руки от моей Бесценной. Смотрю на её запястья — красные, огнём горят, выкрутил, сволочь! И как с разворота — прямо в фейс. Тот взвыл, а меня на адреналине топит. Я даже тогда не понял, что костяшки в кровь сбил. Архитектору, как и хирургу, руки беречь надо, но мозги поплыли.

Наташу рывком ставлю за спину. Коротко бросаю: «Иди к чёрной машине», — показываю на свою тачку.

Этот хер согнулся от боли — я ему нос сломал, — но на агрессии он снова идёт в атаку. Я уклоняюсь, а Матвеев встречает его кулаком, смазанно, в скулу. Ну всё, мужику пиздец. Матвеев у нас — машина! Я-то боксом не балуюсь, опять же — руки, мне хватает кардио, плавания и редких силовых... Матвеев отпиздил его знатно: и за себя, и за меня, и за девочку.

Димка только кидает мне через плечо:

— Иди к девчонке, дрожит вся.

И уже вдогонку, когда я отхожу:

— Илюха, ну всё, по домам! На сегодня спасателей с нас хватит. Почти Хемингуэи...

Мужик сидит на асфальте, потирая лицо и отходя от матвеевских ударов. А я подхожу к Наташе. Она и правда дрожит в своём лёгком чёрном мини-платице. Красивая до одури. Эти её ноги, огненная грива по плечам... Ну как можно быть настолько красивой?

Обнимаю её и вдыхаю аромат: цитрус, вербена, нотки её самой и запах вечернего города. Она расслабляется в моих объятиях и отвечает — буквально вжимается в меня, обхватывая шею руками... Тоже дышит моим парфюмом. Щекой ощущаю, что она плачет. Глазу её по спине.

— Шшш... Успокойся. Всё прошло. Всё будет хорошо, я обещаю, девочка...

Чуть отстраняюсь и смотрю в её глаза. Они искрятся от слёз, а в них — такое доверие, что меня затапливает до самых краёв. Не могу сдержаться, и мы сталкиваемся губами. Наш поцелуй — влажный, страстный, сносящий крышу за секунды... Отголоском раскаты грома и струи дождя... А мы так и не в силах оторваться друг от друга.

Хочется забить на все условности и просто присвоить её себе. Но она же девочка. Моя студентка. Напугана. Нельзя.

Хотя чувства, что зреют во мне три года, уже давно получили название, я просто не позволяю себе их произнести...

Усаживаю её в машину и топлю на газ...

Наташка

Его «люблю»...

Его слова...

Они выбивают почву из-под ног. Это не эйфория. Это вакуум...

Не знаю, как реагировать на такое простое, но абсолютно обезоруживающее откровение. Всегда представляла себя в роли признающей ему. И это выглядело примерно так: «Я вас люблю, чего же боле...» Я не ждала его признания. До конца не верила, что он вообще может ко мне чувствовать что-то настолько глубокое...

И я молчу. Впервые молчу.

Видя мое замешательство, он встает, касается губами моей макушки и идет к двери...

Тишина буквально звенит его словами в моей голове: «Я люблю тебя...» — и я, наконец, отвечаю:

— И я люблю...

Он поворачивается. Его взгляд глубокий и будто раненый. Он произносит тихо, своим бархатным голосом:

— Я знаю, малышка...

Пытаюсь разорвать тишину после его ухода и включаю музыку на телефоне. Выхожу налить воды и вижу в гостиной Илью. Он сидит на диване, облокотившись на колени и закрыв лицо ладонями... Меня оглушает эта картина. Не анализируя, что я делаю, просто иду на поводу у чувств. Из комнаты доносятся звуки песни ЯАВЬ «Придумаю».

Подхожу к Илье и беру его за руку. Он вздрагивает — не ожидал. Жестом прошу его встать и притягиваю к себе, вовлекая в танец... Через пару секунд он перехватывает инициативу. Зарывается лицом в мою шею, целует ушко... Вдыхает мой аромат, а меня всю покалывает, по коже бегут мурашки. Хочется искриться, гореть, лететь...

— Наташка... Ты чудо.

И мы двигаемся. Просто подчиняемся мелодии и собственным телам... Хорошо...

Взяв моё лицо в ладони, он прижимает к моим губам. Это так чувственно, словно открылось второе дыхание. Хочется раствориться в этом моменте.

Он очень... Очень...

— Илюш, люблю тебя... — шепчу я.

Чувствую его улыбку на моей щеке, она отзывается в самом сердце, и я улыбаюсь в ответ. А в пространстве между нами звучат строки: «Я придумаю нас другими в новом мире, где любовь наша всё победила и подарила мне крылья...»

Он прикасается губами к моему виску и низким бархатным голосом произносит:

— Люблю тебя, девочка...

В глазах — фейерверки. Сильнее зарываюсь в его объятия. Мы замираем на мгновение, в котором хочется остаться жить навсегда.

— Идем...

Глава 10. Сближение

Наташка

Он ведет меня к кухонному островку и усаживает прямо на край стола. Коротко чмокает в губы и отходит варить кофе, поглядывая на меня с таким жаром в глазах, что я, кажется, уже вся воспламенилась.

— Ты специально посадил меня сюда?

— Угу. Трогать нельзя, но хотя бы визуально наслажусь этим «блюдом».

— Если еду долго не трогать, она испортится. Или как квашня, забытая на столе, может «убежать».

— Хорошо, что ты не квашня... — смеется он. — Но правда, убежать ты можешь.

— Придумаем что-нибудь с этим?

— Есть предложения?

— И одно лучше другого! — говорю я, подмигивая ему. Мы смеемся. — Илья, если я останусь на какое-то время здесь, то мне нужно съездить за вещами домой.

— Конечно. Можем завтра перед работой съездить.

— Отсюда далековато... Не лучше ли я одна?

— Нет. Съездим вместе. Хочу познакомиться с твоими... — это звучит очень неожиданно. Не могу сдержаться:

— Зачем?

Он показательно вскидывает брови:

— Думаю, это было бы правильно. Твоей маме будет спокойнее, если я сам явлюсь. Не хочу повторять ошибок Матвеева.

— А ты откуда знаешь? Матвеев насвистел?

Я-то давно рассекретила Дашку и её босса Дмитрия Матвеева. Сложно не заметить этого «брутальера» на тачке с красивыми жестами по отношению к моей сестер. Оказалось, эти двое даже в Иркутск вместе летали. Ну, совет да любовь, но мама пока не знает. Это будет шок...

— Угу. Но если ты пока не готова, то отложим... — произносит Илья, возвращая меня в реальность.

— Я не знаю, — мой голос звучит неуверенно. — Не знаю, как ты представишься.

— А ты как хочешь?

Я только пожимаю плечами.

— Можно начать с «коллеги». Тут мы не будем лгать и не станем забегать вперед твоих решений...

— Окей. Но только не моих решений, Наташ, а твоих...

— Угу. Значит, завтра поедем!
Он протягивает мне чашку с латте:

— Ты ведь любишь именно такой?

— Вечером — да...
Решаюсь ему сказать:

— Илья, не хочу спать одна в той комнате.

— Наташ, у меня не настолько хорошая выдержка... — он посмеивается, и я тоже.

— Ну, сегодня мы же спали вместе.

— Это ты мирно сопела, а я чуть не умер от желания. Третью ночь подряд без сна — это слишком сильно ударит по моим когнитивным способностям. Превращусь в пещерного человека, и тогда останутся одни инстинкты: никакой карьеры, только строгать потомство!

— Звучит вкусно...

— Наташ, ты правда думаешь, что я просто «морожусь»? Ты посмотри на меня, — он отходит чуть в сторону, показывая на свой пах, где явно виден бугор внушительных размеров. Сглатываю и закусываю губу...

— Вау! — мои щеки красные как помидор...

— Наташ, я ж сдохну от стояка. Давай уже решим с проектом, ты быстренько понимаешь, чего ты истинно хочешь, а потом мы... — Он впивается в меня губами, они горчат немного от кофе. Такие горячие и влажные... Я обнимаю его торс своими ногами, и Илья уже рычит мне в губы... — Какая непослушная девочка...

— Кто-то обещал меня еще в офисе наказать...

Он буквально врывается в меня поцелуем. Его язык исследует, манит, заставляет подчиниться этому напору. Весь контроль, о котором он говорил минуту назад, рассыпается в прах.

— Хочешь видеть пещерного человека? — рычит он мне в губы, и его взгляд темнеет от желания. — Добро пожаловать! Но чур потом не хнычь!

Илья обхватывает мои бедра, легко, словно я ничего не вешу, отрывает от стола и несет в свою спальню. Я вцепляюсь в его плечи, чувствуя, как внутри всё завязывается в тугий узел от предвкушения того, что будет дальше...

Илья

Заношу её в ванную. Включаю приглушенный свет. Ставлю на пол мою Бесценную, но не отстраняюсь. Смотрю в её глаза. Там нет сомнений или страха... Но столько желания... Мой голос сел, и я буквально хриплю ей в ушко:

— Наташ, сегодня всё будет не как в сказке и не так, как ты себе напридумывала. Но нам будет хорошо, я обещаю...

Она только кивает. Я буквально срываю с неё одежду, оставляя лишь в белье. Она немного дрожит.

— Это те самые, намокшие еще вчера трусики? — мы оба улыбаемся. Я чуть сдвигаю край кружева и глажу её, и меня сносит окончательно. — Вот сейчас, девочка, они и правда мокрые... А вчера...

— А вчера — твои шорты... — шепчет она.

Улыбаюсь ей в шею и прикусываю кожу. Она стонет от желания, а я продолжаю ласкать её, доводя до предела.

— Идем в душ.

Я быстро скидываю с себя одежду, легким движением снимаю с Наташи белье и, уже вжавшись в неё всем телом, ныряю под струи воды. Прохладные капли стекают по нашим разгоряченным телам. Растираю гель в ладонях и прохожусь по её гладкой коже. Она вторит моим движениям. Когда мы, наконец, выходим, я подхватываю её за бедра и, завернув в полотенце, несу к кровати. Бережно укладываю на простыни...

— Наташ, сегодня не будет ничего непоправимого... — выдыхаю я ей в губы, чувствуя, как её доверие окутывает меня теплом.

Я медленно спускаюсь поцелуями ниже, наслаждаясь моментом.

Спускаюсь к бедрам. Когда мои руки разводят их в стороны, она рефлекторно вздрагивает.

— Расслабься... Просто дыши со мной...

Я сам на пределе. Видеть, как она отзывается на каждое моё мимолётное движение — это лучшая пытка.

Несколько моих прикосновений к ней там языком и её сносит. Внезапно, резко, как шторм. Она кричит на самом пике, замирая в моих руках. Глядя на неё такую — открытую, — я уже не могу сдерживаться. Несколько резких, рваных движений, и я догоняю её, выплескивая всё накопившееся напряжение, чувствуя, как сердце вырывается из груди. Я ложусь рядом, крепко притягивая её к себе. Мы оба шумно дышим, а отголоски оргазма всё ещё звенят в теле едва заметной дрожью мышц. Это охуительное чувство.

— Ты моя, девочка... Только моя.

Она прижимается щекой к моей шее, вдыхая наш общий запах — запах соли, кожи и недавней страсти.

— Это лучше, чем я себе придумывала... — шепчет она.

— А что будет, когда ты «распробуешь» всё по-настоящему? Ууу...

Наташа приподнимается на локте, глядя на меня с лукавством:

— Слушай, у меня сегодня от одного вида твоего «Голдин Файненс» дар речи пропал и в горле пересохло. Что же будет, когда он окажется во мне?

Я невольно рычу и прикрываю глаза, пытаюсь сдержать новый прилив крови к паху.

— Так, Наташ, надо прекращать эти разговоры. А то я сейчас навоображаю лишнего, и ты, как прекрасная миниатюрная версия Кинг-Конга, полезешь штурмовать мой Эмпайр-стейт-билдинг. А я обещал тебе сегодня сон! Всё, спим...

Я накрываю нас одеялом и плотнее прижимаю её к себе. Это такой долгожданный, крышесносный кайф... Мы чувствуем тепло друг друга, дыхание постепенно выравнивается, и мы медленно уплываем в глубокий, спокойный сон.

Глава 11. Фейспалм

Илья

Утро будит меня жаром Наташи и моей зашкаливающей готовностью. Она нежится, трётся о ноющий пах, а когда поворачивается лицом — я своим «стальным» упираюсь ей в живот.

— У-у, детка. Нежнее, — из глаз уже искры. Надо идти в холодный душ, иначе натворю дел.

— Ваш «Голдин Файненс» разбудил меня стуком в поясницу. Я уже хотела ему «открыть», но вы проснулись...

— Какая жаркая девочка.

— Я ещё и влажная... везде.

Голос хрипнет. Притягиваю её к себе, переплетая ноги. И я скольжу по ней там, чуть растягивая, но не проникая. Нависаю над ней и врываюсь в её сладкий ротик, продолжая дразнить её внизу. Мои пальцы захватывают её соски. Скручиваю, тяну... И она взрывается подо мной.

— Чувственная девочка...

Она дышит глубоко и рвано. А я заканчиваю ей на живот в пару движений моего и так потекшего самообладания....

— Ольхов, я иду к тебе в сексуальное рабство! — выдыхает она.

Я падаю рядом и размазываю своё семя по ней...

— Хочу, чтобы ты пахла только мной...

— А ты — мной.

Она садится на меня верхом. Страстно целует в губы. Её сладкие, шелковистые губки так искренно скользят на моих губах, но она не проникает. Играется. И я беру инициативу на себя...

И вот уже оторвавшись, со сбитым напрочь дыханием я привлекаю её к себе. Мы буквально врослись в друг друга. И так хочется остаться в этой позе, в этой постели и только с ней.

— Наташка, надо вставать. Заедем к твоим, а потом в офис. У нас встреча с Кармазиным по проекту в двенадцать.

Мы быстро принимаем душ — по отдельности. Иначе нас снова сорвет, и мы точно везде опоздаем. Пока Наташа собирается, я варю нам кофе с собой.

Уже в машине, по дороге к её маме, замечаю, что она притихла. Немного нервничает, перебирает пальцами край платья — того самого, сексапильного, изумрудного, от которого кровь закипает. Я накрываю её ладонь своей.

— Ты решила сегодня своим «самолетом» сбить «башни»-близнецы? Кармазин будет в восторге, но я против, чтобы ты появлялась перед ним в таком виде.

Наташка смеется:

— Да ты, Ольхов, ярый шовинист?

— Не... Я ярый эгоист. Все прелести только мне: и твой афедрон, и твои перси... И вообще всё!

Мы оба хохочем. Она наконец выдыхает и расслабляется.

— Хорошо, я дома переоденусь во что-то более сдержанное.

— Мне кажется, даже кусок мешковины, наброшенный на тебя, ничего не изменит. Ты прекрасна и сексапильна в любом образе... Поверь, я-то знаю. Четыре года наблюдал.

Наташка

Звоню Соньке. У нее сегодня нет первых пар в универе. Она у нас перешла на четвертый курс — финальный в её случае, будущий клинический психолог.

— Наташ, ты куда пропала вообще? — зашипела сестра в трубку. — Мама мне миллион вопросов задает, а я даже «легенды» не знаю...

— Я сейчас заеду. Мама дома?

— Нет, у нее с утра четыре урока. Будет только после двух.

Моя мама — учитель истории в местной гимназии. Мы с сестрами когда-то сами оканчивали это учреждение. С недавних пор школу переименовали на модный манер в «гимназию», хотя внутри всё осталось по-прежнему.

— Хорошо. Будем минут через двадцать.

— Угу.

Камень с плеч. Ну не хочу я сегодня без предварительной «обработки» Сонькой маминых ушек предъявлять ей Ольхова. Илья очень крутой, даже слишком, но боюсь, что их взгляды на табу отношений между преподавателем и студенткой совпадут. И тогда мне точно прилетит по афедрону, но уже от мамы — в переносном смысле, конечно, но тоже неприятно.

У Соньки глаза лезут на лоб, когда в дверях она видит меня и Ольхова. Софья у нас — сама непосредственность. Уж кого не стоит переодевать в шелка, так это её. Настоящая женщина-искусительница! Смотрю на Ольхова, а тот отводит взгляд и закусывает губу. На Соне коротенькая комбинация на бретельках и такой же пеньюар. С учетом её фигуры «песочные часы» с четвертым размером груди, смотрится огрудительно! Даже в скрывающем всё черном цвете — очень богато и маняще...

— Систер, халатик запахни, а то тут друже слюнями сейчас изойдет.

— Ой, — запахиваясь, говорит Соня. — Здравствуйте. Проходите.

А сама стрелой несется в свою комнату, помахивая попкой и светлой гривой. Из нас всех она пошла шевелюрой в бабушку Лиду: блондинка с пышным карвингом до поясницы. Короче — крышеснос!

— Проходите, Илья Вадимович, — ржу я, впервые видя смущение на лице Ольхова и вздернутые вверх брови одновременно. — Ольхов, это провал!

Он с чувством и расстановкой произносит:

— Ничего. Подобного. Нет.

И мы уже вместе ржем. А он изображает фейспалм.

— Да, да. Это эффект Софии.

— Вы, сестры Андриевские, особенные девицы! Я теперь понимаю Кармазина — почему он бросился защищать твою сестру...

— Чего?

Ольхов явно сболтнул лишнее. Улыбка моментально исчезла и из его глаз, и с губ.

— Не думаю, Наташ, что я должен был это говорить.

— Давай, колись! Кто такой Кармазин и при чём здесь Соня?

— Тимофей Кармазин — наш с тобой клиент и знакомый твоей сестры. Тот самый, который спас её от упыря в шале на Роза Хутор.

— Ой-вей!..

— Угу.

К нам выходит Соня, уже вполне прилично выглядящая по сравнению с пеньюаром. На ней просто красное платье! Строго по фигуре, а в дополнение — красные туфли на шпильке. Волосы рассыпаны по плечам.

— Вау! Ну красотка. Это из той коллекции, что я тебе показывала?

— Угу.

— А у них в комплекте к нему не шел какой-нибудь слюнесборник?

— Если тебе нужно, можешь взять баночку для анализов, дома есть, — непонимающе шепчет мне Соня.

Ой, уж точно: кто тут дитя, так это наша мисс Непосредственность.

Ольхов ржёт:

— Слюнесборник... Баночка... Боже, Наташка, за что? Хотя возьми, возьми. Тиме пригодится!

— Ты сам хоть платочком подтирай. — У него уже слезы выступили из глаз от смеха.

А Софья продолжает:

— Вы говорили о Тимофее Кармазине?

Ольхов «отмирает»:

— Да. Он наш клиент. Я, кстати, коллега и друг Наташи — Илья Ольхов.

— Да знаем мы вас. Вон у её кровати ваше фото стоит.

Ну, Соня! Как бы я сейчас отвесила ей поджопник! Но сестра продолжает абсолютно невозмутимо, не обращая внимания на изумление Ольхова по поводу ремарки о его фото в изголовье кровати юной девицы. Теперь моя очередь фейспалмить.

— Меня Соня зовут. Так что там с Тимофеем?

— Ты хочешь с ним встретиться?

— Да!

— Софья, Тима сегодня будет у нас в офисе. Если хочешь, можешь поехать с нами. Увидитесь.

— Хорошо. Я готова.

Я закатываю глаза, а Ольхов просто угорает от моих реакций. Ничего не могу с собой поделаться: бесит, как он общается с другими, даже если это наш «одуванчик».

— Сонь, пойдем, поможешь мне вещи собрать.

Сестра идет в сторону моей комнаты, а я наклоняюсь к присевшему на диван Ольхову. Глядя ему прямо в глаза и стараясь не заржать, тихо шепчу:

— А вы пока, Илья Вадимович, можете уgomонить выделение всех вытекающих из вас жидкостей.

Он хватается меня за руки, притягивает ближе к себе и, почти касаясь моих губ, выдыхает:

— Всё равно мною пахнуть будешь только ты.

Я заливаюсь румянцем и сбегая от этого «непристойного», но такого моего мужчины.

Глава 12. Свежеразмороженные

Илья

Вот она — обезоруживающая простота и прямолинейность Андриевских. Не финтят ни в чём, пробивают мужиков навывлет.

Я не могу сдерживать улыбку и смотрю на мою Хариту, которая, кажется, скоро начнёт метать в меня молнии, если я хоть раз за сегодня на кого-нибудь взгляну.

Веду свою даму сердца к поданной «кажете». Она перевоплотилась из «зелёной тряпочки», прикрывающей... да вообще ничего не прикрывающей, в такую же «скромную» одежду. Понимаю: на фоне сестры женское самолюбие взвыгло, захотела переплюнуть. Ну куда ещё? Я и так еле сдерживаюсь.

На Наталье сегодня белый приталенный жакет с «приветствующим» декольте, в которое падает небольшой бриллиантик — как она сказала, подарок бабушки на восемнадцать лет. И белая мини в тон, оголяющая такие ноги... В голове только картинки нашего утра, когда этими ногами она меня обнимала. За этим «диафильмом на двенадцать кадров» уже идёт раскадровка на полнометражку...

У-у-у... Я превращаюсь в волка, пора быть в голос!

Ну и, конечно, любимая обувь Андриевских — как они только передвигаются на них? — туфельки на высоченной шпильке.

— Вау! По ходу, мы никуда не едем. Звони в скорую, у меня сердечный приступ...

— Но-но-но! Карету нам, карету!

Мы смеемся. Пока Софья выходит к машине и садится внутрь, я складываю Наташкины вещи в багажник.

— Девочка моя, ты офигенно выглядишь, как и всегда... Но сегодня — это сверх, белосимо! Сам себе не верю и завидую, — коротко целую её в губы. — Ох, она ещё и алой помадой накрасилась. Вкусная моя девочка. Баночку для жидкостей Кармазина взяла?

Она хохочет и немного краснеет:

— Ой, Наташка, надо было сразу бидон литров на пять!

Мы вместе хохочем, садимся в машину. Везу этих двух принцесс...

Кармазин держись! Пусть не только моя голова начинает болеть.

Наташка

Соньке я дома кратко рассказала, без подробностей, что пока остановилась у своего наставника Ольхова. Она долго угорала надо мной:

— И в чём же он тебя наставляет? В искусстве любви?

Заливаюсь краской, а глаза предательски всё выдают. Сонька, приобняв, меня трясёт:

— Классно! Быстрый парень, ничего не скажешь: четыре года ждал, «вымораживал». Рыба ты наша! Свежеразмороженная!

— Но-но!

— Я рада за тебя. Пусть у вас сложится. Знаешь, лучше четыре года ждать своего человека, чем как я — с оленем по дурости. В уши напели, и вот теперь и мне, и Тимофею проблемы.

Кармазин — хозяин сети отелей на Роза Хутор, где отдыхала Сонька с подружками. И туда явился её новоявленный парень, абьюзер и солдафон Стасян, бесячий дедина знакомый. Короче, он хотел Соньку домой увезти, прилюдно унизил, оскорбил подруг, а Тима услышал и не стерпел: накостылял ему и Соньку защитил. Стасян отпал. Ему ещё дед потом добавил. Сейчас переводят служить на Урал. Будет белочек кормить.

— Не переживай. Ты у нас ещё крошка. Перевернётся и на твоей улице грузовик с ирисками...

— Или подвернётся очередной Стас — рыцарь без страты и убогий!

Мы хохочем в голос.

Я собираю вещи в чемодан. Самое необходимое и красивое. Не хочу перед Ильёй выглядеть просто. Я видела, как у него глаз загорелся на тесёмочки и шелка. Всё же, как ни крути, а мужики любят глазами. А Дашка, моя сестер номер два, сказала бы: «Глазами, ушами, руками и х*ями. А кто не может х*ями, то вспомогательными средствАми». Да, только до «х*ями» мы с Ольховым так и не дошли.

Эх, кружевные труселя, помогите!

Ну, ничего, у меня кроме труселей ещё много чего есть. Огнестрел заряжен на полную обойму. Держись, Ольхов! Устроим тебе аттракцион невиданного отделения жидкостей — потечёшь у меня ручейком... а потом ещё как-нибудь. Устроим половодье!

Красная помада, туфельки и наряд «оторви голову».

Поплыли!

Уже почти десять. Мы задержались, заезжая ко мне. Офис уже кипит работой. Марина суется с кофе для Ильи. Нас с Сонькой замечает, конечно, но от таких фееричных особ она держится подальше. Как говорят: хочешь выглядеть молодо и красиво — держись к старым и страшным! Фон для Маринки мы сегодня отвратительный, поэтому она летает мимо.

Сонька напряжённая сидит со стаканом воды в приёмной и бесит разговорами Марину. Мы с Ильёй готовим его чертежи, и он ещё раз проверяет презентацию, которую готовил для Кармазина. Хоть они друзья, а работа — это работа. И как для истинного профессионала, для Ильи нет разницы: клиент есть клиент, даже если он...

— Дружище, привет!

В кабинет заходит парень лет тридцати. Не могу назвать его прямо мужиком. Брутальный, светловолосый, не застёгнутый на все пуговицы, а скорее свободный художник. На нём джинсы и пуловер. Гора мышц, но глаза голубые и какие-то добрые.

Илья нас представляет друг другу. И у меня реально флешбэк сегодняшнего утра и лица Ольхова, но только сейчас таким взглядом смотрит на меня Кармазин.

— Тима, слюни подбери! Это моя не только коллега, но и девушка. — О! Меня повысили?! Быстро у вас у мужиков: как только рядом появился ещё один самец, сразу очерчиваем границы и встаём в защитную стойку? Ок. Записываем в блокнотик. — Наталья Андриевская. Кстати, это её сестра...

Кармазин встаёт и идёт к двери. В дверях — Соня... Переглядываемся с Ольховым. От сцены, что разворачивается перед глазами, хочется выйти вон. Там такие страстные объятия! Сестра, ты чё творишь?

Одними губами произношу Илье: «Пипец! Ты знал?». Он трясёт головой, тоже произнося только губами: «Я сам в шоке!»

Кармазин как ни в чём не бывало поворачивается к нам, приобнимая Соню, которая, как хамелеон, поменяла цвет «тельца» под цвет платья и стала просто пунцовой.

— Это Соня, Ильюха. Та самая Соня... Ну, у которой бывший мужик — олень, а я его немного отпиздил. Ой, сорри, — обращается он уже ко мне. — Это Софья!

И я уже не могу сдержаться:

— Угу. Софья Андриевская — моя младшая сестра!

Занавес! И смех Ольхова вместо субтитров.

Глава 13. Статистическая погрешность

Наташка

Чё-то скатилась встреча с Кармазиным. Он быстро глянул презентацию. Пожал руку Ольхову, мне — поцеловал (под пристальным взглядом Ильи Вадимовича). Да таким взглядом, что мне казалось: как только Тимофей с моей маленькой сестрой (и это капец!) покинет кабинет, Ольхов заставит меня помыть руки с хлоркой.

А нет, не показалось.

— Наташ. — Он взял меня за руку и сделал вид, что помассировал, а на самом деле как бабуин «пометил территорию», стирая запах другого самца с моего тела. — Я сейчас понимаю твой праведный гнев, когда я невзначай зыркнул на твою сестру. Вернулось обраточкой. Кармазин мне всё без слов объяснил. Блин, никогда не думал, но я — ревнивец!

— Повода-то нет — ни в том, ни в другом случае.

— Вот поэтому я и влюбился. Ты не только красивая, но и умная! — и он чмокнул меня в губы, пока в приёмной никого нет. — За работу, малышка. Наш день ещё не закончен.

И мы обсуждаем подбор материалов. Илья проговаривает моменты, которые они успели обозначить с Кармазиным. Но иногда стекаем от рабочих вопросов к теме Тимофея и Софьи.

— Извини, я сегодня не очень собрана. Разделять рабочие вопросы и личные не всегда выходит.

— Я понимаю. Я сам в шоке от Тимы и особенно — от твоей сестры.

— Тима её не обидит?

— Знаешь, если бы речь шла о Кармацком или Матвееве, я бы не задумываясь сказал: «Никогда!».

— А с Кармазиным?

— Я скажу: «Не знаю».

— Звучит не очень.

— Опасаться не надо. Кармазин не абыюзер, очень щедрый и добрый парень. Он хороший и надёжный друг, партнёр. Он со всеми своими бывшими до сих пор на связи, и если кому нужна помощь — он рубаха-парень, всем поможет...

— Чего-то ты не вселяешь оптимизма?

— Как есть. По крайней мере, так было. Как сейчас будет — я не оракул. Он увлекающийся парень, он очень любит женщин: много и разных.

— Вот же ж ходок!

— Мужчины все ходоки!

— И ты?

— И я. Но ходоки — только до того момента, пока не придём к своей. Я пришёл. Сiju, жду. Домой поедет, Наташ?

И это так классно звучит «пришел к своей» и «домой», что я таю, даже забыв про план по завоеванию мужчины Ольхова и покорение его «Голдин Файненс».

Илья

Обозначаю Наташе несколько задач до конца недели — хочу посмотреть, как справится самостоятельно. Пока есть возможность, тренируемся на «птичках».

Наташка какая-то задумчивая. Мы садимся в машину, и я выезжаю с парковки. Она задаёт очень странный вопрос:

— А ты веришь в судьбу, рок, божий замысел?

— Ого! Какие интеллектуальные разговоры в пути. Нет, не особо.

— Я тоже нет. Но так странно... Вас — четыре друга, нас — четыре сестры...

— В этом согласен, это странно. Хотя, зная вас и нас, всё очевидно! Мы — нормальные ребята, а вы — отличные девчонки. Должны же создаваться прочные семьи хотя бы в размере статистической погрешности.

Смешно, да...

— А ты знал, что «кармазин» — это название суконной ткани красного цвета? А Сонька сегодня была в красном...

— И? Мне уже очень интересна твоя женская логика. Когда мы с тобой встретились, у тебя не было веток ольхи в руках?

— Зато были в рюкзаке! Я купила щепу для коптильни, а после пар уехала к деду и бабуле в Подмоскoвье — мы лещей коптели...

— Вот это как-то странно.

— Что, копчёные лещи?

— Нет, разговор наш. Скатился как-то. — Я откровенно стебусь и лыблюсь.

— Не, не, не... Я не из этих! — И Наташка крутит пальцем у виска. — Просто мысли вслух. Ладно, буду молчать.

— Ты обиделась?

— Нет. Обижалка сломалась, нечем...

Вижу, что «пылит». Такая серьёзная со своими лещами и «кармазинами», что мне хочется одновременно и ржать, и запереть её здесь до утра. Надо разруливать.

— Слушай, Наталья Александровна, — поворачиваюсь к ней, сокращая дистанцию. — Раз уж мы сегодня ударились в лингвистику и знаки судьбы... «Ольха», «Кармазин», суконные ткани... Ты хоть знаешь, как твоя фамилия переводится с моего архитектурного на русский?

Она прищуривается, в глазах пляшут искры, и одними губами она мне, глядя в глаза, произносит: «Припизднутая, что ли?»

И мы оба ржём в голос. Фух... Не обиделась!

— И как же? — уже «отмирает» она.

— «Андриевская» — это «стихийное бедствие с прицепом из трёх сестёр и деда-генерала». И самое страшное, Наташ... Кажется, я готов отправиться на эту спасательную операцию волонтером.

Она не выдерживает и прыскает, прикрывая рот ладошкой.

— То есть копчёные лещи тебя не напугали?

— Лещи — нет, — я уже выхожу из машины и обхожу её, чтобы открыть дверь. — А вот перспектива того, что ты начнёшь коптить мой мозг эзотерикой, заставляет меня действовать на опережение.

Подаю ей руку, помогая выбраться из салона.

— Пойдём, Бесценная. Будем проверять, как твои кружевные аргументы впишутся в мой архитектурный план на этот вечер.

Наташка выходит, поправляя подол своей коротенькой юбочки, которая умудрилась ещё чуть задаться — ну куда ещё-то?!

— Ольхов, учти: стажёры над планами без пряников не работают, а кнут я могу и сама применить.

— Какая у меня властная девочка, — я притягиваю её за талию, чувствуя, как мой «стальной стержень» окончательно теряет всякое терпение. — Пряники будут!

Глава 14. Пряники

Наташка

— Пряники будут! — сказал Ольхов.

Но как только мы зашли в дом, ему позвонили, и он отлучился в кабинет. Я тоже решила набрать своей «сестре-хамелеону».

— Наташ, привет, — голос Сони звучит как-то неуверенно.

— Ага. Ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет...

— Софья, это чё за дела с Кармазиным?

— Никаких дел. Мы просто попили кофе в заведении напротив вашего офиса, а потом он завёз меня домой.

— Не финти!

— Хорошо, Шерлок. Что ты хочешь знать? Но у тебя только три вопроса.

— Ок. Вы с Кармазиным встречаетесь?

— Да. Сегодня вот встретились.

— А до этого встречались?

— Конечно, он же Стасяна побил.

— Я не про тот случай! После этого в другие дни — виделись?

— Да. Он приезжал, когда просил позвонить Стасу и припугнуть его заявлением о преследовании и насилии...

— А кроме этого?

— Это четвёртый вопрос. Я на него не буду отвечать.

— Сонька, я тебе по заднице нахлещу!

— По попе не надо... Да, мы видимся!

— Соня...

— Мы видимся как друзья. И всё. У него есть девушка... Наверное.

— А что за объятия в офисе? Ты как павиан на последний в пустыне баобаб взбиралась!

— Ну-у... Всё, не могу говорить, мне пора!

Бросила трубку. Опять у этой девочки всё через её сексапильную «З», не доведет она её до добра... Только до Бобра!

Кармазин-курва, прибью, если Соньку обидит!

Илья что-то застрял. Заглядываю в кабинет — он за работой. Ну уж нет, Ольхов. Пряники сами себя не съедят!

— Если хочешь, присоединяйся, — бросает он, не отрываясь от монитора. — Нужно немного доработать проект с учётом нюансов, о которых говорил сегодня Кармазин. Органично соединить ландшафт и архитектуру здания.

Эх, работушка, работа... Я делюсь с Ильёй своими мыслями о создании некой «зоны перехода» или сохранении объектов природы внутри дома: не устранять их, а органично вписывать в интерьер.

— Позже это можно использовать как маркетинговый ход. Например: «При строительстве ни одно дерево, растущее здесь, не пострадало».

— Наташ, маркетинг — это хорошо. Но ты архитектор и должна больше думать о конструкции, чем о её продвижении...

В целом вечер проходит неплохо, пускай и в работе, но это работа с Ильёй. Хотя мои кружевные труселя уже покрылись пылью, лёжа на полке...

Ближе к девяти, когда интеллектуальные силы истрачены на двести процентов, предлагаю что-то приготовить. Но Илья, оказывается, уже заказал доставку. Предлагает выпить вина, пока ждём.

— Мне нельзя пить. На меня слишком сильно влияет.

Но Илья уже идёт на кухню к винному шкафу и достаёт бутылку. Откупоривает. Ставит на стол бокалы...

— Как тогда: петь в караоке, а потом звонить своему преподавателю и дышать в трубку? На это я готов пойти.

— Ты знал, что это я?!

— Наташ, твой телефон уже тогда был у меня сохранён. И да, я тебя узнал и по голосу, и по дыханию...

Он протягивает мне бокал и, разлив вино, чуть прикасается к моему бокалу своим...

— Боже! — закрываю лицо руками. Мне кажется, я вся превращаюсь в уголёк, всё горит...

Флешбэк (годом ранее)

Илья

Просыпаюсь. Телефон звонит. Четыре утра. Абонент — «Наташа Андриевская». Моя самая яркая, самая колючая и, несомненно, самая талантливая и самая-самая студентка. В голове пронеслось: «Ну всё, она точно вляпалась в историю. Пора спасать эту Бесценную».

Прижимаю трубку к уху.

— Слушаю. У вас ко мне срочный архитектурный вопрос?

В ответ — тишина. Но не мёртвая, а какая-то... живая. Ритмичная. И чей-то нестройный вопль про «императрицу» на заднем фоне. А потом — её дыхание. И это не просто дыхание. Это целый манифест! Прерывистое, горячее, с каким-то отчаянным придыханием. Она молчит, но я буквально кожей чувствую, как она там, на другом конце города, сжимает телефон и выдыхает воздух, пытается подобрать слова, которые расплылись в коктейлях и её мыслях обо мне... Вкусненько...

— Дыши глубже и ровнее, Наташ, — я сел в кровати, чувствуя, как сон улетает окончательно. — Судя по темпу, ты либо бежишь марафон под странный плейлист, либо пытаешься наладить со мной астральную связь.

— Вы... вы... — она наконец выдала звук, но так глубоко и прерывисто, что меня рубит моими же ночными иллюзиями, где я её не только слушаю, но и очень хорошо чувствую... — Вы — Ольха! Дерево такое! Холодное... и деревянное!

Задыхается своими же словами, и в конце фразы это больше похоже на стон... Значит, «дерево»? Ну-ну... От её всхлипов и стонов всё уже не деревянное, а стальное. Пробивает за мгновение.

— Бесценная, ступай спать. Холодная древесина будет ждать тебя завтра на лекции. Ей скоро уже «плыть» в сторону университета. Не надей там дел, ладно?

— Угу... — выдыхает она.

— За тобой приехать? Отвезти домой?

И тут на неё наваливается осознание содеянного.

— Простите... — вибрирует её голос глухо.

Кладет трубку.

А я откидываюсь на подушки и ещё минут десять тупо пялюсь в потолок. Это её «дыхание маньяка» засело в мозгу прочнее, чем любой сложный проект. Пора вставать, хотя и так всё стоит. И теперь я чертовски хочу узнать, как она будет дышать, если я окажусь не за кафедрой, а на расстоянии близости...

Сейчас

Наташка медленно убирает ладони от лица, и в её глазах я вижу не только остатки бывшего стыда, но и вспыхнувший вызов.

— Целый год это «деревянное и холодное» помнило моё дыхание? И молчало?

Она не ждёт ответа. Сама сокращает эти жалкие миллиметры и впивается в мои губы. Это не просто поцелуй — это месть за год ожидания и за всё моё «наставничество». Её губы горячие, со вкусом вина и дерзости. Она целует жадно, глубоко, будто хочет выпить моё дыхание до дна.

Я рычу ей в губы, подхватываю за бёдра и одним рывком усаживаю на край стола. Мой «стальной стержень» окончательно подтверждает: архитектурный план на этот вечер пересмотрен в пользу тотального разрушения моего самообладания.

— Наташа... — хриплю я, отрываясь от её губ лишь на мгновение, чтобы переместиться к нежной коже шеи. — Ты хоть понимаешь, что сейчас ничто тебя не спасёт?

Она только сильнее вцепляется пальцами в мои волосы, выгибаясь навстречу. Её дыхание — то самое, манящее и рваное — теперь звучит прямо мне в ухо, и его смысл я сразу считываю.

— Меньше слов, Ольхов... — выдыхает она. — Показывай свои «пряники».

В дверь звонит доставка... Нехотя отрываемся друг от друга. Наташка стонет:

— Я сейчас от другого голода помру! Не хочу еды, хочу своего «деревянного мальчика»...

Иду открывать, смеясь. Кому-то и правда хватает пары глотков...

Наташка

Хнычу.

— Ты опять свинтил, Ольхов?! Где моя любимая деревяшка? Сейчас устроим урок труда. Тема — выжигание! Будем выжигать твои принципы относительно сексуальных фантазий о студентках!

Слышу в холле смех трёх голосов. Твою мать...

— Наташ, у нас гости!

В гостиную вваливаются моя сестер Даша и её парень Дмитрий Матвеев — по совместительству и друг, и бывший одноклассник, и коллега Ильи.

У Дашки вообще стиль «держатель свечки».

То она приветствовала графиню с водой ухажёра Машки, Сергея Кармацкого, то припёрлась и застала меня тут на столе — пьяненькую и зацелованную Ольховым.

Даша, как всегда, остра на язык, пока остальные не знают, как выкрутить из столь пикантной ситуации.

— Илья Вадимович, у вас на столе макет не убран! Вы тут приберитесь за собой, а то он уже «потёк», ненароком сломается. Второго такого в семье Андриевских не сыщешь! Да и мы на месте «стыда», простите, «труда» поляну вам накроем. Ваш заказ из ресторана мы подхватили у курьера. — Дашка показывает два крафт пакета, которые держит Матвеев.

Ольхов и Матвеев ржут, демонстрируя фейспалм. Илья бережно меня снимает со стола и усаживает на стул.

— Нормально всё, выдыхай, — вкрадчиво говорит он мне, а я только нервно киваю.

Дашка не унимается:

— Мужчины пусть говорят о реальных вопросах вон там, — показывает она на диван. — А девочки тут поколдуют над ужином... и кое-кому — над лещами на десерт.

Просто заприйте меня в клетку позора и выставите на площадь — не так будет стрёмно. Когда парни отходят, Дашка меня припечатывает:

— Ну ты, сестер, даёшь!

— Ничё я не даю...

— Так, значит, ещё не дала?

Градусы растут... Ольхов, у тебя есть огнетушитель? Здесь твоя девочка подгорает, пора тушить!

— Ничё я никому не дала. А вы! Вы сударыня, успокойтесь. Вам ещё маме объяснять, кто такой Матвеев... И почему у тебя на безымянном кольцо?!

— Ой, — Дашка тушуетя и уже заговорщицки: — Но ты же мне поможешь? Встретимся с мамой и девочками в эту пятницу, а в субботу уже в поместье к дедуле и бабуле, а?

— В нашей семье лисичка — я, а хитришь почему-то ты... — говорю я немного заплетаясь языком.

И Дашка уже спрашивает у Ольхова:

— Илья, она сколько выпила?

Он показывает пальцами сантиметра два. Ну, реально, два-три глотка.

— Ох, да она «в соплю»... Уносите. Её сейчас кормить только с рук — вилкой орудовать не сможет. Ужин я вам накрыла, а мы, чёт, воздержимся от столь откровенного поедания деликатесов... Дим, поедем?

Он показывает ей: «пять минут». Они с Ильёй ещё что-то обсуждают. А Дашка мне успевает напоследок напеть:

— Чё, крыша совсем отлетела от препода твоего?

— У-у-у... Давно...

Она смеётся и заставляет меня тоже хихикать.

— Пьянь! Но такая родная, — Дашка лезет обниматься. И из её лапок меня выхватывает уже Илья...

Дальше — провал в памяти. Наверное, потом кто-нибудь добрый расскажет...

Глава 15. Рабочее и нерабочее

Илья

Наташка уснула. Прямо у меня на руках, пока Дашка с Матвеевым, давясь смешком, грузились в лифт. Весь её боевой запал, «обойма огнестрела» и коварные планы по «выжиганию моих принципов» разбились о два невинных глотка рислинга.

Смотрю на неё — рыжая копна волос разметалась по моему плечу, носик забавно морщится, а губы, которые ещё полчаса назад обещали мне «половодье», сейчас едва заметно подрагивают во сне.

— Ну что, лисичка моя... — шёпотом произношу я, осторожно подхватывая её под колени.

Она лёгкая. Почти невесомая, если не считать того груза ответственности, который я только что добровольно взвалил себе на плечи перед лицом семьи Андриевских. Несу её в спальню, стараясь не задеть косяк. На полу сиротливо валяются её убийственные шпильки — те самые, на которых она так уверенно «шуровала» ко мне в карету. Пинаю их в угол.

Кладу её на кровать. Она что-то несвязно бормочет, потом затихает, поглубже зарываясь в подушку. Накрываю её одеялом.

Стою над ней минуту, пять, десять... Мне всё равно. Сажусь на край кровати и просто слушаю. Её дыхание. Год назад оно доносилось из динамика телефона в четыре утра. А сейчас оно здесь. В моей спальне. Так близко.

— Спи, — касаюсь губами её лба.

Улыбаюсь. Кажется, это первый раз в жизни, когда я чертовски рад, что мой план на вечер провалился. Потому что смотреть, как она спит, оказалось куда более сильным.

Выхожу из комнаты, прикрывая дверь. Завтра будет утро, будут вопросы. Но сегодня — тишина. И эта девочка полностью моя.

Иду убирать ужин, заботливо разложенный Дарьей. Немного перекусываю по ходу. Главное блюдо этого вечера мирно спит. Приходится утолять голод только едой.

Принимаю душ и укладываюсь рядом со своей малышкой.

Боже, спасибо, что создал такую красоту!

Веки слипаются... Тоже улетаю в сон.

Наташка

Моё пробуждение после вчерашней встречи на кухне Ильи с сестер и её парнем врывается в мои болезненные мозги, как гром.

Илья нет рядом, на улице уже светло. Чувствую запах кофе и его геля для душа. Значит, уже встал — и мне тоже пора. Но сначала принимаю душ и привожу себя в мало-мальский порядок.

На мне — те самые чёрные кружевные тесёмочки, которые совсем не для «согреву», а скорее для «разогреву»... И белая рубашка, позаимствованная из гардероба Ильи. Мои остальные вещи — в гостевой комнате.

Выплываю в такой красоте, и меня встречает Он. На нём — только чёрные боксеры, и больше ничего... Кубики пресса, широкие плечи и бицуха никуда не делись. Ольхов красив как бог!

— Вот она, моя красавица! — улыбается он от уха до уха. Он замечает мой месседж в виде кружев и рубашки на голое тело. — Ух... Вот это очень горячо, девочка!

Он подходит ко мне и, прихватив за попу, врывается в мой рот языком. От него так бомбически пахнет — чем-то ледяным и кедром, а на вкус это горький кофе и он сам... Вау! Мозги и всё, что может, растеклось лужицей. Его голос хриплый от желания:

— Наташка, что ты делаешь? Нам в офис. Клиент ждать не будет. Я по-быстрому не хочу притрагиваться к такому изысканному блюду — хочу распробовать...

Я обвиваю его шею руками, чувствуя, как под пальцами перекачиваются его стальные мышцы. Прижимаюсь ближе, чтобы он почувствовал — я не просто «блюдо», я стихия, которая не терпит отлагательств.

— Илья Вадимович, — шепчу я ему прямо в губы, обдавая своим жарким дыханием. — Вы же сами учили: ландшафт нужно изучать в естественных условиях и при правильном освещении. А утреннее солнце сейчас просто идеально падает на... все мои неровности и впадины. Клиент подождёт... В конце концов, мы же работаем над «зоной перехода»? Так вот... я перехожу в наступление.

Я чуть отстраняюсь, позволяя рубашке соскользнуть с одного плеча, обнажая мою грудь, которая на фоне утреннего света выглядит как вызов всем его архитектурным планам.

— Ну же, Ольхов... Исследуй мой ландшафт. Или ты боишься, что не справишься с таким сложным рельефом без подготовки?

В его глазах вспыхивает тот самый «стальной» блеск, который я видела вчера. Он глухо рычит и, не говоря больше ни слова, подхватывает меня под бёдра, усаживая прямо на прохладную столешницу, среди чашек с остывающим кофе.

— Чёрт с ним, с клиентом, — выдыхает он, впиваясь в мою шею. — Начнём полевые исследования прямо здесь. Но сейчас — быстро и только для твоего удовольствия... Я тебя буду есть «горячей» чуть позже.

И он чуть отводит в сторону мои трусики и скользит по мне языком... Пара минут блаженства — и я выпадаю в астрал, будя своими криками ещё не проснувшихся соседей...

— Мне нравится, какая ты чувственная и громкая, — говорит Илья окончательно севшим голосом и со сбитым дыханием. — О соседях не беспокойся. Разве я мог в своей квартире, где хотел видеть только тебя, не предусмотреть хорошую звукоизоляцию? Ты год назад своим дыханием и стонами в трубку мне просигналила, что будешь громкой девочкой...

Он целует меня в губы и, отстранившись, спускает на пол.

— Я иду в душ. Детка, составишь мне кампанию?

Илья

В офис мы прибываем бодрые. Наташка зацелована, а мне в помощь — холодный душ... На какое-то время должно хватить. Встреча за встречей, поэтому времени, чтобы подумать о моей «вкусной» девочке, у меня нет.

Наташка сидит тихо, занята моим заданием — работает с чертежами. Отмечаю, что пока нигде не косякнула... Молодец, схватывает на лету!

Время обеда. И я зову свою Бесценную в ресторанчик, что расположился неподалёку. В прошлые дни мы как-то умудрялись перекусывать на работе, но это совсем не полезно, нужно возвращать нормальный режим.

— Пройдёмте, Наталья Александровна. Идеального стажёра пора выводить в свет и кормить вкусной едой, — и уже вкрадчиво ей на ушко: — А то вчера за ужин вы шлифовали лишь пару глотков вина. Хочу, чтобы у вас были силы не только на рабочем месте, но и на моем кухонном столе...

Её глаза округляются, и она закусывает губу, скрывая улыбку.

— Илья Вадимович, вы очень... очень предусмотрительны.

Марина жжёт нас огнём из глаз, выжигая на Наташке слово «сука!», а мне забавно. Бедная женщина Марина: её любопытство скоро превысит допустимую нагрузку на фундамент, и боюсь, что её место в моей приёмной освободится. Но мне сейчас не до того. Пусть гадают, какие такие «узлы и примыкания» мы обсуждали в кабинете за закрытыми дверями.

В ресторане выбираю столик в углу. Отодвигаю стул для своей «львицы», которая сегодня в этом огненном платье выглядит как ходячий призыв к административному правонарушению.

— Заказывай всё, что влезет, Бесценная, — улыбаюсь, любуясь тем, как она пытается сохранить профессиональную мину. — Тебе понадобятся калории. У нас впереди ещё полдня правок от Кармазина и... — понижаю голос, — и продолжение «ландшафтные работы» на моей территории.

Наташка заказывает пасту, но я вижу, как её пальцы подрагивают, когда она листает меню.

— Ольхов, ты же понимаешь, что после такого «аперитива» в офисе я вряд ли смогу думать о нагрузках на перекрытия?

— А ты не думай, — накрываю её ладонь своей. — Архитектура — это не только расчёты, Наташ. Это ещё и чувства, объёмы, фактуры... Мы ведь строим что-то гораздо более долговечное, чем шале в горах. Что-то важное. И, кажется, уже без права на снос.

Глава 16. ...похож на обман

Наташка

Остаток дня проходит в офисе спокойно. Илья занят: у него несколько встреч по проектам, в которые я не была включена, поэтому он справляется один или с помощью команд, уже работающих над запущенными объектами.

Я доделываю кое-какую работу по чертежам. Отправляю Илье на почту готовый вариант задания. Вижу, что стрелки часов уже давно перевалили за семь. Пора бы отправляться на «освоение территорий», где планировались «ландшафтные работы», но Илья ещё не вернулся из переговоров. Жду.

Проходит ещё где-то час, прежде чем мой архитектор является в кабинет. Видок у него потрёпанный и уставший. И он как-то странно на меня поглядывает, хотя вроде ничего не предвещало беды. Хочет что-то сказать, но не находит слов. Его взгляд и молчание как-то колют.

— Илья, что-то случилось?

— Наталья, где последний вариант проекта по объектам Кармазина? — его голос звучит как лёд, пробивая меня насквозь. Он никогда не называл меня полным именем — только в официальных отношениях преподаватель-студент, и то с некой иронией добавляя к имени моё отчество.

— Последние правки я внесла сегодня. Отправила тебе на почту где-то полчаса назад, — я правда в недоумении. Илья как будто зол на меня.

— Спрошу один раз, и ты мне честно ответишь. — Видно, что Илью бесит эта ситуация, он никак не может решиться... А нет, решается. Произносит и этим действительно очень больно бьёт: — Наталья, ты кому-то ещё показывала проект? Отправляла? Может, случайно?

— Ты в чём меня подозреваешь, Ольхов?! Давай начистоту: что произошло?

— Это уже не важно. Проект слит. Его Кармазину предложила другая компания. Он только что позвонил мне... И мне не нравятся те мысли и вопросы, которые роятся в моей голове.

— Ты мне не доверяешь?

— Скорее, это недоверие не связано с тобой...

— Ты не ответил. Илья, ты мне не доверяешь?

Он молчит. Отводит глаза.

— Мне ясно. — Стараюсь держать себя в руках. Как же унизительно и больно быть подозреваемой в несодеянном. Особенно — им. Особенно когда я только поверила, что может быть «мы». Еле сдерживая дрожь в голосе и подкатывающий к горлу ком, я парирую: — Я ничего такого не делала!

— Наташ, проект отправлен из офиса с твоей почты. Сегодня днём. Спецы по внутренней безопасности провели расследование... — он прикрывает глаза и ведёт головой из стороны в сторону. Я понимаю, что внутренне он не согласен. Но он всё равно бьёт словами: — Наташ, зачем?

Флешбэк (пять лет назад)

Илья

— Севилья, зачем?

— Моя позиция под сомнением, мне нужно реанимироваться в глазах руководства. И это твоя вина, что последние два месяца я была хреновым работником. Ты в этом виноват, тебе эту проблему и следовало решать.

— Севилья, ты сама всё решила!

— Да, я решила. Как узнала, что беременна, я всё решила... Токсикоз меня убивал и делал мою карьеру и удержание в компании невозможным. Единственный шанс — подготовить пристойный проект. А раз мои мозги «потекли» на фоне токсикоза, я решила всё кардинально. Не готова я к материнству и не готова жертвовать карьерой. Поэтому да, твой проект я представила как свой. Мы квиты...

— Севи, зачем ты так с нами?

— Ты тоже — зачем так? Зачем так реагировать? Нам хорошо вместе, зачем усложнять? А твой проект — это компенсация за два месяца моих «поплывших» мозгов. Но я уже в строю... Перевернём страницу и попытаемся больше не «залетать» на такие проблемы.

Такое ощущение, что меня отхлестали по щекам, как маленького мальчишку. Её логика неприятна мне ни как мужчине, ни как коллеге, ни как несостоявшемуся отцу... Как я за три года не увидел этого в ней? Как?

Хотя, пусть это и ужасно звучит, может, и к лучшему.

Мне сейчас стало очень ясно видно, что из Севильи мать была бы такой же, как и моя «матушка», которая всегда открыто обвиняла меня в своих карьерных недостижениях. Твердила, что ребёнок — это слишком большая ноша для творческого человека, это оковы...

— Я не смогу после этого тебе доверять, Севи...

— Это твой выбор. Я предлагаю забыть и жить дальше, нам же хорошо вместе...

— Я уже так не думаю...

Сейчас

Илья

Наташка смотрит на меня глазами, полными слёз. А меня всё равно топят флешбэки прошлого. Хотя тогда реакция Севильи была иной. Какие слёзы?! Только надменный взгляд и нападение...

— Ольхов, я ничего не делала! — произносит Наташа каждое слово отдельно. Её голос дрожит, и первые капли обиды бьют и по моему сердцу.

— Тогда объясни, — на выдохе произношу я...

— Зачем мне объяснять и оправдываться, если ты уже сделал выводы и даже меня наказал? — Она решительно смахивает слёзы и бросает мне, выскакивая из кабинета: — Не намерена терпеть отношение, которое я ничем не заслужила! Прощай.

И она вылетает пулей, лишь прихватив свою сумочку. А я оглушён воцарившейся тишиной. Ольхов, это же девочка Наташа... Не могла она, не могла...

Звоню Кармацкому Серёге. Он обещает сейчас же отправить спецов всё проверить. Местная служба безопасности не так проворна и компетентна. А мне срочно нужна хоть одна зацепка, которая развеет сомнения в моей голове...

Серёга заезжает сам где-то через полчаса.

— Илья, объясни. — Кратко рассказываю. — Слушай, если это сделали с её компа — это ещё не говорит о том, что это она.

— Это её корпоративная почта. Идентификатор и электронный ключ по проекту привязаны к её и моему телефонам.

— Это ничего не гарантирует! Этим мог воспользоваться кто угодно. Камеры смотрел?

— В моём кабинете нет. Её рабочий стол здесь.

— А в приёмной? У тебя везде стёкла. Давай глянем!

Прошу службу безопасности отправить мне видео с камеры в приёмной. Пока ждём, ребята Кармацкого ещё раз проверяют всё на Наташкином компе... Информация отправлена в 11:10 — я в это время был на встрече. Наталья здесь. Или?..

Кармацкий уже просматривает записи с камер.

— Ольхов, ты дебил!

Он разворачивает мне лицом ноут, где чётко видно: в 11:06 Наталья выходит из кабинета, и в него входит Марина. Она идёт к столу Натальи. Что-то делает за компом. И в 11:12 выходит. Наталья возвращается в 11:15 и, взяв телефон со своего стола, выходит вновь наружу...

— Ну чё, сейчас тебя за Наташку отпиздить? Или подождём, когда меня Машка об этом попросит? Ей я точно не смогу ни в чём отказать.

Стою ошарашенный своей тупостью, своим скотским поведением.

— Серёга, спасибо...

— Иди разруливай, Ромео! Иначе приближённые семьи Андриевских тебе выпишут больничный лист.

Выходим вместе. Жмём руки. Наскоро прощаемся.

Но куда ехать? Где её искать? На часах десятый час. Куда убежала эта девочка?

Ты полный уёбок, Ольхов! Куда она пойдёт? Она же у тебя живёт! И один за другим эти факты бьют меня под дых.

Звоню. Конечно, сбрасывает.

Ещё. Отключён.

Звоню Кармазину, узнаю телефон Софьи. Может, Наташка уехала к ним?

У неё даже ключей от моей квартиры нет. Вот я дебил вообще. Зову к себе, но о самом элементарном в этом «к себе» я не подумал...

Софья берёт после пятого гудка. Я уже «потёк мозгами», протраивая следующий пункт назначения:

— Алло. — Голос звучит как-то сдавленно.

— Софья, это Илья Ольхов. Наташа не с тобой?

— Лучше сказать, что она «не с тобой»! Какого фига вы такой дури накрутили? Где Наташка — и где махинации против вас? Вы сами-то понимаете, что наделали?

— Соня, пожалуйста... Наташа с тобой? — меня бьют наотмашь её слова. И ведь все в цель попадают.

— Да! И она останется здесь!

— Я приеду?

— Это ещё зачем? Ваше присутствие будет лишним!

— Соня, дай ей, пожалуйста, трубку...

— Чтобы ты ещё ей гадостей наговорил? Типичный нарцисс с абьюзивными чертами! Нам такого не надо. Видели уже! Решите свои личные проблемы, а потом к девочке подходите! — она бросает трубку.

— Пиздец, Ольхов! Красава по всем фронтам!

Всё равно еду к её дому. Виниться, каяться, объяснять... Лишь бы выслушала...

Глава 17. Доверие

Наташка

Его недоверие убило. Почти четыре года я не то что сделать — я подумать не смела в сторону этого «небожителя архитектуры»... А он не бог, а обычный смертный, со своими промахами, тенями прошлого, со своим багажом, который его не отпускает, но по мне сегодня этим «чемоданом» он сильно бьёт... Знаю, что там в Лондоне у него были непростые отношения...

Илья, конечно, разберётся. Ведь я правда не виновата. Знаю, что Илья сейчас так же, как и я, переживает — иначе бы мой телефон не разрывался сейчас от его звонков. Илья не звонил бы Соньке, стойчески выслушивая её «накиданное в панамку». Не стоял бы уже который час под нашими окнами рядом со своим авто...

А я пока не нахожу в себе сил к нему выйти. На часах два ночи. Мама и Софья спят, а я сижу и смотрю на него. Ему меня не видно, окна тёмные. Но он как будто чувствует и не уходит: не садится за руль, не уезжает...

Надо идти. Надо попытаться сделать первый шаг. Может, он потому так поступил, что никто никогда к нему этот первый шаг не делал? У каждого должен быть шанс хотя бы покаяться, хотя бы быть услышанным...

Накидываю плащ прямо на пижаму и спускаюсь к нему. Он стоит, опершись на машину, но, увидев меня выходящей из подъезда, выпрямляется.

— Наташ... — его раненый голос, без надежды. Хриплый, низкий и чуть севший от ночной прохлады. Как же я люблю его тембр. По моему телу сразу бежит волна мурашек и лёгкой дрожи. И я знаю, что это не из-за холода.

— Ольхов, уезжай, холодно. Или хотя бы сядь в машину.

— Ты беспокоишься? — И в его словах столько надежды...

— Конечно! Мне с тобой ещё диплом писать и стажировку заканчивать. Кто мне доки подписывать будет? — утрирую я намеренно.

— Только из-за этого? — Его взгляд тёплый. Он замолкает, но потом берёт меня за руку. И меня пробивает его теплом. — Наташ, прости... Прости меня. Пожалуйста, прости.

Он вкладывает в мою руку ключи от своего дома и произносит:

— Поехали домой, моя девочка. Поехали, пожалуйста. Я объясню... я попытаюсь объяснить, возможно, поймёшь... Наташ, не смогу один. Не смогу без тебя.

Он нежно обнимает меня, уткнувшись мне в шею, и вдыхает мой аромат. От этого его жеста, его раненности меня тоже «относит». Чувствую его запах — такой родной, мой. Его тепло.

А вот не хочу я никуда от него! Не хочу ставить выше вот этого какие-то обиды, гордость... Это такая мелочь по сравнению с этим прекрасным моментом его полной открытости и моего принятия. Не хочу я никого проучивать. Не хочу причинять ему боль. Это больнее всего меня саму ранит.

— Поехали!

Илья

Какой я идиот!

Эта девочка перед моими глазами уже около четырёх лет. Ни разу я не видел с её стороны действий, нарушающих границы дозволенного при подготовке проекта.

Всегда есть соблазн скопировать, подтянуть чужую идею и выдать за свою — плагиат и в нашей сфере никто не отменял. Сливы и уводы проектов крайне распространены. Но у неё любой проект — с чистого листа. Чужие реализованные идеи — только как вдохновение, но не точка отсчёта.

Как я вообще мог усомниться?

Возможно, вчерашний разговор с матерью по телефону дал такой откат. Она виделась в Лондоне с Севи и сказала, что у той подрастает сын... Возможно, это ударило? Чувств к ней нет, но непонимание и неприятие осталось. Моего ребёнка она предпочла не родить, отдав первенство карьере, но, видимо, нашёлся тот, кто стал для неё значимее, чем должность и профессиональный статус... Это не ранит. Это вносит хаос.

Севилья, готовая перешагнуть через возможную семью и тебя как профессионала... и Наташа, которая даже при твоём проёбе — сильным и на пустом месте — вкладывает свою ладонь в твою руку и остаётся рядом.

Мы едем от дома ее мамы и мне наконец становится чуть спокойнее. Она со мной. В моей машине. Она рядом. Она не убежит...

Наташка

Из машины пишу Соне сообщение: уехала с Ильёй, мы разберёмся. Пусть придумает версию для мамы. Увидимся завтра — у нас запланирована «битва» с представлением ухажёра Дашки. Но это завтра. Сегодня мне бы свои проблемы разрешить и уложить эту нелепость по полочкам сознания.

Илья уверенно ведёт машину.

Входим в квартиру.

Здесь тихо. Темно, и на самом деле совсем не хочется включать свет и нарушать какую-то незримую связь между нами, которая сейчас ощущается даже физически.

Голос Ильи звучит низко, вибрирующе, как всегда сексуально — у меня ноги просто ватные от этого. Он обнимает меня со спины, сильно вжав в себя, но не причиняя боли. Я как будто прирастаю к нему.

— Наташ, девочка моя. Спасибо... — я слышу, как он выдыхает всю боль и напряжение этого дня. — Пойдём. Нужно лечь спать. Давай все разговоры завтра.

— Ты не те слова говоришь...

— Наташ, я верю. Я полностью доверяю тебе. Полностью, Наташ, во всём.

И я не могу сдержаться: слёзы, которые я так долго пыталась не показывать ни маме, ни Соне, выливаются сейчас. Илья стирает их своими большими, горячими и сухими ладонями, губами, зацеловывая меня и обжигая своим дыханием. А потом припадает к губам. Наш поцелуй — медленный, тягучий и влажный. Он запускает волны дрожи. Чувствую, что мои сегодняшние шуточки про «половодье» как нельзя актуальны. Как же я хочу этого мужчину!

Он разворачивает меня к себе лицом и прижимает к стене, продолжая зацеловывать, но это далеко не невинные касания. Мои руки блуждают по его плечам и тянутся к волосам — они чуть жёсткие, но очень приятные. Его руки ныряют под мою футболку, и он рычит от накатившего возбуждения, которое я отчётливо чувствую низом живота.

— Девочка, хочу тебя.

— Возьми...

— Так нельзя.

— Можно, Ольхов. Давно можно...

— Идём. — Он подхватывает меня за бёдра, усаживая на свои руки. — Обними меня ногами.

И, не разрывая ни тел, ни поцелуев, он несёт меня в свою... нашу спальню...

Глава 18. «Мурашит»

Илья

Я несу её в ванную, по пути снимая с неё плащ и оставляя в маленькой белой шёлковой пижамке. Включаю приглушённый свет. Усаживаю на банкетку, а сам набираю в ванну воду и добавляю пену, запуская в воздух аромат аниса, корицы и цитруса... Наташка смотрит на пышные хлопья и прикасается к ним — это так красиво.

Здесь есть свечи и несколько разномастных светильников, и я играю со светом, создавая для неё особое интимное, камерное пространство. Эстетика притягательности, тягучести и плавных движений. Время будто замедлилось, в тихих всплесках воды я различаю лишь наше сливающееся дыхание.

Мой голос предательски сел и выдаёт меня по полной, но я и не собираюсь лгать... Я хочу её, а в этой атмосфере — и подавно. Но я оставляю выбор за ней.

— Наташ, — я беру её за руки и поднимаю с банкетки. Мой голос звучит тихо и хрипло. — Ты позволишь... я помогу тебе раздеться?

Я вижу, что она чуть смущается, но она поддаётся мне.

— Да.

Снимаю с неё топ, и с потоком воздуха в меня проникает тонкий аромат её тела — лёгкий, волнующий... Вижу её потрясающую грудь, полную, чуть розовую от возбуждения, с затвердевшими горошинами сосков... Это выглядит так жарко и вкусно. Она сексуальна и маняща... Хочется гладить, сминать, зацеловывать. Я веду руками по её плечам и груди, и с её губ срывается тихий стон.

Она так обезоруживающе смотрит в самую душу — с мольбой, но не просит, а ждёт от меня первого шага. Потому что не знает, девочка, как его сделать... Она такая невинная, покрасневшая, смущённая. Она опускает глаза, но я приподнимаю её лицо за подбородок и шепчу, приблизившись максимально к её губам:

— Ты бесподобна, Наташ. Не нужно стесняться своей красоты. Ты обезоруживающе красива, девочка.

Я веду ладонями по её рукам сверху вниз и перемещаюсь на узкую талию... которая как раз под мои ладони. От моих прикосновений чувствую, как её «мурашит», а меня просто простреливает в пах. Мне нужно собрать всю силу воли, чтобы реализовать задуманное, а не сорваться с обрыва и её туда не утянуть.

Прохожусь по её нежной, упругой попке, манящим бёдрам и ныряю ладонями под резинку шортиков, стягивая их вниз, высвобождая её... Она гладкая, нежная, идеальная... Она вышагивает из своего облачения и остаётся полностью обнажённой...

Это топит мои принципы, ограничения. Она не обманет, не предаст... Это самая невинная, честная и открытая девочка на земле, и она — только для меня. Чуть отхожу назад, держа её за руку, и окидываю взглядом.

— Наташ, ты идеальна... Когда я первый раз тебя увидел в той аудитории, мне захотелось потереть глаза. Казалось, это сон, не явь... Я таких, как ты, в жизни не встречал. Ты совершенна...

Наташка

Я впитываю каждое его слово. Никогда не слышала таких откровенных признаний в свой адрес, но, смотря в глаза Илье, я верю. Это не слова, произнесённые с целью, чтобы... А вопреки всему. Вопреки его принципам и здравому смыслу, вопреки всем запретам и надуманным им преградам. Он и правда слишком долго ждал, чтобы сказать, и сейчас это — самое искреннее, что есть между нами.

Он берёт меня за руку и жестом просит войти в ванну и опуститься в воду. Запах пряностей расслабляет и возбуждает одновременно. А он, подойдя сзади и заколов мою копну волос наверх, вдыхает мой аромат, едва ощутимо прикасаясь губами к шее.

— Наташ, ты очень вкусно пахнешь. Я вдыхаю этот запах уже четвёртый год, и меня всегда в нём топит, лишая на мгновения силы воли... Ты такая манящая.

Я лишь глубже дышу, не в силах произнести ни слова. Купаюсь в его признаниях и прикосновениях. Он садится рядом и смотрит на меня, лежащую в этой пушистой пене при свечах и мягком свете ночников. Он хрипло выдыхает:

— Я люблю тебя, девочка. Люблю с первого дня, как услышал и увидел тебя. Люблю всем своим существом...

Он пронзительно искренен, обезоруживающе честен. Набрав в лёгкие воздуха, я шепчу:

— Илья, я люблю тебя. Люблю с первого звука твоего голоса, с первого «удара» о твои глаза... Я люблю тебя. Просто люблю.

Тишину нарушает лишь потрескивание свечей и стук сердца в моих ушах... Моё сознание затоплено до краёв тягучей сладостью и волнением. Мне так хорошо, но в то же время невыносимо быть вдали от него. Я хочу прижаться к нему, ощутить его каждой клеточкой.

Он прерывает тишину своим бархатным тембром с сексуальной хрипотцой. Всматривается в мои глаза и шепчет:

— Девочка моя, это такое счастье, что я не знаю, как его пережить... Как мне вернуть хоть часть тех чувств, которые ты мне даришь?

— Просто будь со мной...

— Всегда.

— Может, ты присоединишься ко мне?

— Уже боялся, что не позовёшь... — мы оба улыбаемся.

Я пропитана его теплом, нежностью... и хочу отдать ему всё то, что у меня внутри: доверие, принятие и безграничную преданность.

Он скидывает одежду. Вау! Я уже видела его обнажённым, но сегодня, в мерцании свечей, он просто потрясающий, манящий... Я буквально утопаю в краске, мне кажется, у меня краснеет всё тело. Он так возбуждён! Мне хочется нырнуть поглубже в пену.

— Наташ, девочка. Я иду?

— Да... — и мой шёпот едва слышен.

Он подходит и, шагнув в ванну, чуть перемещает меня. Садится и укладывает меня спиной на себя.

Он тоже пытается контролировать своё дыхание, но я спиной ощущаю, как быстро бухает его сердце. Ощущаю его возбуждение... Это так волнующе. Перед глазами всё расплывается. Он такой горячий! Божечки, я сейчас сама скончаюсь.

— М-мм... Наташ, ты восхитительная. Как оторваться от тебя, когда так коснулся?

Он ведёт своими ладонями по моей коже, запуская волны жара и желания, которое уже наполнило меня до предела и вырывается наружу неконтролируемыми стонами. Я хочу его... Хочу, чтобы он касался меня.

— Я хочу тебя, девочка, — шепчет он мне прямо в ушко, проводя обжигающими ладонями по моим изгибам. — Хочу тебя всю, хочу себе...

— Илья, я тоже хочу только тебя... и быть твоей. Я хочу...

— Если я это сделаю, ты потом можешь пожалеть. Обожжёшься...

— Я не пожалею никогда! Жалею только об одном: что, испугавшись, прервала тот поцелуй в ресторанчике. Жалею, что из того караоке не рванула к тебе. Жалею, что в том клубе попросила отвезти меня к себе домой, а не к тебе... Я готова была утонуть уже тогда, но струсила.

— Тогда бы я не позволил тебе так с собой поступить... А сейчас у меня нет сил сдержать ни себя, ни тебя. Идём...

Он встаёт и поднимает меня за руки. Вытирает нас полотенцем и, подхватив на руки, несёт в спальню, укладывая на огромную кровать. Он нависает надо мной, опершись на руки, и нежно целует в губы.

— Наташ... — он выдыхает моё имя.

— Илья, я должна сказать...

— Я знаю, девочка, я знаю. Я буду нежен. — Вижу, что он собирает всю волю в кулак, чтобы задать вопрос в последний раз: — Наташ, ты уверена?

— Да!

— У меня нет защиты, но я абсолютно здоров...

— Угу...

— Для первого раза это даже лучше... Я успею прерваться, не волнуйся...

Я стесняюсь обсуждать такие вопросы и благодарна, что Илья всё сказал сам... Он проводит ладонями по моим бёдрам и ныряет между них, лаская самые нежные складочки...

— Ты такая влажная, девочка... Будет легко, доверься...

И он увлекает меня в такой страстный поцелуй, что всё остальное отлетает как незначительное, неважное... Он нежен и настойчив одновременно. Его движения вызывают и жар, и бег то холодных, то обжигающих мурашек. Всё моё тело искрит, улетаю в какой-то иной мир, где есть только мы и наши ощущения. Он нависает надо мной, не спешит, а нежно, а потом чуть увереннее растягивает меня. Я чувствую его упругость и напор... Ещё и ещё...

— Расслабься, девочка,пусти меня...

Он входит, и меня захлёстывает, обжигает острой болью, но в тот же миг она стихает, оставляя лишь немного саднящее ощущение... Илья медлит, даёт мне привыкнуть к себе.

— Молодец, девочка. Сейчас будет только хорошо... Доверься мне.

Он движется во мне размеренно и плавно, руками сминая мою грудь, чуть оттягивая соски. Целует, проникая языком и лаская, лаская... Он слишком большой для меня, но я постепенно расслабляюсь, отдаваясь ощущениям... Чувствую себя пушинкой на ветру: от каждого

его движения я лечу, моё сознание спутано. Он везде. Разряды тока и жара проходят по мне волна за волной, давящее чувство внизу живота отпускает, и я улетаю куда-то из этого мира... Зависаю в небытии.

Илья выходит из меня, пара ритмичных движений рукой — и он заливает мой живот своим семенем...

— Ты моя, навсегда моя... Наташ, я люблю тебя. И прости, но я никому тебя никогда не отдам... Даже если... Уже не отмотать...

Глава 19. Знаки внимания

Наташка

Утро. Ощущение безмятежной неги, полной расслабленности и лёгких отголосков его ночных прикосновений в самой «зоне бикини»... Очень фундаментально для наших отношений. Хотя этому фундаменту уже четыре года, так что случившаяся близость — это скорее крыша строящегося здания и, наконец, венец прочной конструкции.

В спальне отчетливо пахнет свежестью и чем-то сладким. Я вожу головой по сторонам и на прикроватной тумбе с моей стороны стоит ваза просто с огромным букетом шикарных белый лилий... И мне хочется улыбаться. Это не первые цветы от Ильи, первые были очень, очень неожиданными...

Флешбэк (три года назад)

Наташка

Летняя практика по ландшафту. Выездная, на день в Подмоскowie. Кураторы — наш преподаватель Ольга Борисовна, женщина бодрая, лет пятидесяти, и «волонтёр», вызвавшийся сопровождать «перваков», — Илья Вадимович Ольхов.

Ни разу не видела Ольхова в столь неформальном одеянии. Но даже в спортивном костюме бежевого цвета и белой футболке, которая подчёркивает каждый секси-мускул этого качка, он выглядит о-о-очень...

Уже вечер, и мы с ребятами возвращаемся с точки.

Ольхов идёт позади...

Делаю вид, что у моих кроссовок развязался шнурок. Присаживаюсь. А на самом деле жду его, чтобы пойти вместе.

И вот мы идём. Такое ощущение, что он намеренно замедляет шаг, чтобы отстать от группы ребят ещё сильнее.

— Ну, как успехи, Бесценная?

— Ух! Первый курс пройден. Скоро каникулы и...

— Что будешь делать летом?

— Скучать... — Блин, вырвалось! Вижу, что Ольхов закусывает губу, чтобы скрыть улыбку, которая всё равно растягивается на его лице. — Я имею в виду — скучать по учёбе, по общению с одноклассниками.

Его голос звучит ещё более низко и хрипло, чем обычно:

— Я понял... Я тоже буду скучать, — он делает многозначительную паузу и бросает на меня взгляд, который пробивает меня жаром... — По тебе, Бесценная. — Говорит он и сразу продолжает, не акцентируя внимание на сказанном: — Я взял вашу группу в следующем семестре. Так что ещё пообщаемся.

Мои щёки горят, хочу скрыть улыбку и желание станцевать джигу прямо здесь — среди полей ржи и луговых цветов... Ольхов останавливается и срывает ромашку. Убрав прядь моих волос за ушко, вкалывает цветок мне в волосы...

— Ромашка для Наташки... Красавица.

И идёт дальше.

Сейчас

Наташка

Илья спит рядом, раскинувшись на спине. Я не могу ничего с собой поделать и прикасаюсь к волосам, идущим дорожкой от кубиков пресса к самому паху. Они чуть жёсткие, но такие приятные. Не контролирую себя: провожу сначала пальчиками, едва касаясь его «стального». Он сразу, как по законам эволюции, начинает «расти и увеличиваться в размерах», передавая привет. Я невольно сглатываю. Это просто вау! Как он вообще в меня поместился? Большой, красивый, жилистый и такой готовый ко всему.

Между ног — то самое «половодье», и мне очень его хочется.

Как поехавшая, уже откровенно не только пялюсь, но и беру его в руку. Потрясающая кожа и такая живая мощь. Как джойстик, реагирует на каждое движение...

— Наташ, наигралась? — звучит низкий, с хрипотцой голос Ильи. От неожиданности я резко убираю руку. — Ох уж эти твои прикосновения... Но так резко не надо.

— А что, оторву? — тараторю я пришедший в голову бред.

Илья лыбится, довольный:

— Нет... Но сделаешь мне очень приятно и очень быстро, а я бы хотел распробовать... Наташ, как ты себя чувствуешь? — в его голосе истинное беспокойство и столько нежности. — Я вчера не нажестил?

— Нет... Всё отлично. Немного ощутимо, что территория измерена вдоль и поперёк, но мне нравится...

— Угу, пошли метафоры? Наташ, я серьёзно.

Я прикасаюсь к его губам. Они немного сухие после сна, но через пару мгновений это уже влажный, страстный танец губ, проникновенный тандем языков... Я хочу его, низ живота закручен в плотный узел.

Чуть оторвавшись, я шепчу:

— Илья, всё хорошо. Мне не больно, немного саднит... Но очень хочу продолжения.

— Будет!

— Сейчас!

— Не-е... Я тоже очень хочу, котёнок мой. Да ты и сама всё видишь, — он многозначительно кивает в район своего паха. — Всегда готов. Рядом с тобой по-другому не бывает. Но сегодня тебе нужно восстановиться... А потом ты вся моя! Буду любить тебя до одури: каждый раз, на всех поверхностях и на всех территориях.

— Я в предвкушении... Спасибо за цветы. Они чудесные. — Илья лишь кивает, чуть улыбаясь, одними губами говоря: «Всё для тебя!»

— Пора вставать, девочка. Пойдём в душ вместе. Немного радости мы ещё можем урвать. Илья, подмигивает мне и расплывается в довольной улыбке.

Его «немного радости» превратилось в яркий карнавал с искрами из глаз и танцами моего разгорячённого — вовсе не от воды — тела. Поэтому в офис мы приезжаем с небольшим опозданием...

Илья

Пора прощаться с Мариной. Впервые хочется откровенно нахамить женщине. Вот нахера она это всё?

Наташу отправляю распечатывать эскизы и вызываю Марину к себе. Строит из себя полную наивнягу...

— Илья Вадимович, я думала, после содеянного Наталья сегодня не придёт.

— А что же она-то сделала?

— Так мне безопасники сказали: что-то по проекту слила...

— Она — или вы?

Щёки этой бабы покрылись румянцем, но она продолжает лгать. Фу! Останавливаю её словесные излияния. Включаю запись с камер и показываю ей... Смотрит, открыв рот, вся красная, ручонки дрожат...

— Марина, вы уволены. Не буду вам портить жизнь: «прощаемся» не по статье, я не дам ход делу. Кармазин — мой приятель, ему не нужны репутационные волнения, и «Велесу» тоже. Но лучше вам уйти тихо: не чудить и не пылить, тогда «обратка» не прилетит. Всё же три года вы были нормальным, исполнительным сотрудником... Больше не пытайтесь провернуть подобное: руководителей, которые оставили бы такую ситуацию без реального наказания, нет. Я один такой добрый. Не косячьте, а то попадёте как минимум на административку, а в худшем — уголовку. Идите в отдел кадров — и с этого момента свободны.

Марина как язык проглотила. Только кивнула и вышла в направлении кадровиков.

Ну вот что за...

Звоню HR-ам и прошу девчонок найти мне кого-то вместо Марины. Можно пацана, можно женщину — только кого-то адекватного, без лишней дури в голове.

Возвращается Наташа с кипой распечаток. Смотрю на неё, и прямо радостно.

Но вот есть же такие уникальные экземпляры!

Моя девочка!

Красива в этом достаточно закрытом одеянии — в сравнении с теми, что она обычно носит, — но это платье не менее сексапильное. Чёрное, по фигуре, плечи оголены. Длина хоть и чуть ниже колена, но зато разрез и глубокий вырез на спине отрывают башку и заставляют воображение рисовать много вкусных картинок. Волосы убраны наверх, открывая шикарный обзор не только на идеальную осанку и кожу, к которой хочется прикоснуться, но и на нежную шейку. Так и зудит её покрыть поцелуями и... Всё! Выдержке конец!... Вкусная! Очень вкусная...

Как думать о работе, когда тут напротив — чистый секс? Особенно после того, как я попробовал...

От флешбэков ночи — только в ледяной душ, топить похоть.

До сих пор ловлю ощущения её дрожи на кончиках своих пальцев и сокращений на мне...

Она как будто считывает мой настрой и, окинув приёмную через стекло и поняв, что там никого нет, быстро скользит по моим губам мягким поцелуем. А меня подтапливает. Хоть

здесь бы ей овладел! Руки сами хватают мою Бесценную за попку и притягивают к себе. Её голос тихий, переходящий в шёпот и стон:

— Илья, мы в офисе...

— Похер вообще! — и ещё сильнее впечатываю её в себя. Пусть знает, как действует на меня, как рвёт меня и «стального» из штанов... Не борщу, но поцелуй я себе не запрещаю... Еле отрываюсь. — Остальное — дома. А сейчас — за работу.

— Работу? Какая работа, Ольхов? После твоих поцелуев и обниманий мне только полдня в себя приходиться...

— Кармазин заедет через полчаса...

— Ну, как сестре Сони, он точно мне простит «поплывшие» мозги и покрасневшие щёки...

— Он-то простит, но это не очень профессионально.

— Ольхов, ты зануда. Иди сюда! — И Наташка буквально впечатывается в меня поцелуем. И от её непосредственности мне так круто!

Отстранившись, мы уже смеемся.

— Это такое счастье! Люблю тебя! — чмокает меня ещё раз в губы и уже упархивает к своему столу.

Глава 20. Разговоры в «бабьем царстве»

Наташка

После лёгкого стука к нам в кабинет заходит Тимофей Кармазин.

— Здорово, Илья! — И, уже глядя на меня: — Приветствую, Наталья.

— Добрый день!

Ольхов встаёт и пожимает ему руку, они даже приобнимаются.

— Привет. Прости за странную ситуацию с проектом.

— Не стоит. Разобрались же...

Я тоже подхожу к нашему клиенту и протягиваю руку для рукопожатия, но он переворачивает её и целует. Ольхов закатывает глаза и громко вздыхает.

— Кармазин, ты доскёшься!

— Всегда мечтал, чтобы ты мне навалил.

И тут начинается шуточная мужская перепалка в виде «бокса», где мой бог и босс, конечно же, одерживает победу! Он протягивает руку уложенному на стол Кармазину:

— Поднимайся! Надо обсудить переделки по проекту, вернее — новые идеи. Старый проект использовать нельзя, раз он был слит.

Вместе с чертежами они уходят в конференц-зал. Я беру макет и иду к ним. Слышу обрывок разговора:

— Илья, твоя Марина... Спереди ничего, сзади — конфуз... Поделом ей. Но я бы всё же что-то посерьёзнее, чем просто увольнение, для неё организовал.

— Ревность — страшное дело...

— А что, был повод?

— Ну, я же с Натальей.

— А Марина здесь при чём? Ты чё, кобелил что ли?

— Фу, фу, фу... Это только Маринины фантазии. Я к ней даже на «ты» не обращался, не то что большее... Но она-то себе навоображала.

Я не выдерживаю:

— Ого! А ещё говорят, что девочки — сплетницы.

Кармазин сразу парирует:

— Да нет, мужики тоже изрядные пиздаболы... Ой, сорри.

— Ага, бздуны обыкновенные...

Ольхов явно не ожидал от меня такого хлёсткого словца:

— Наташ, что за слова такие? Не идёт тебе...

— Не провоцируй.

Кармазин еле давит смех:

— Чую, девочка уже закручивает гайки. Молодец, Наталья Александровна!

Тут уже моя очередь закатить глаза, а Ольхов бьёт Кармазина в плечо:

— Всё, Тима, прекращай. Давай к рабочим вопросам!

Тому никак не имётся:

— Ну, последнюю ремарку можно?

— Валяй!

— Не переживай, мне Софья тоже яйца закрутила по самое... Уже не убегу!
Я в шоке!

— Чего? Кто кому чего закрутил?

— Ой вей... — Кармазин картинно прикрывает рот рукой и заваливается на спинку стула, изображая труп. Он явно забыл, что Соня, вообще-то, моя сестра. Открывает один глаз, смотрит на меня: — Наташ, не убьёшь?

— Думаю, Софья сама справится. Если она уже тебе яйца крутит, то что дальше будет?
У-у-у!

— А вот и не боюсь! Пусть делает что хочет. Этой девочке я готов сдаться для опытов, для всего...

Здесь мы уже все ржём. Непосредственность и явно актёрские данные Кармазина проби-
вают на сто процентов!

Илья

Встреча с Тимой проходит успешно, но уж очень весело...

Парня явно штормит. Но я не буду говорить Наташе, что такого Тимофея мы видели уже не раз. Влюблённость — это естественное и главное состояние Кармазина. Ох, если бы Софья и правда пошатнула фундаментальные основы этого прославленного кобеля! Я бы за этих двоих был только рад.

Наташка сегодня едет к маме. У них с Дашкой миссия: не довести родительницу до обморока, сообщив, что сестра выходит замуж. И не когда-то, а в ближайшее время; и не за кого-то, а за Димку Матвеева, её гендиректора, с которым они вместе — ай-яй-яй... — уже четвёртый месяц, а всё скрывались.

Думаю, что нам с Натальей тоже нужно выходить из тени, но она просит подождать, пока пройдёт эпопея с Дашей и Димой, а то сразу два потрясения семья не потянет...

Довожу Наташку до знакомого дома и подъезда. Договариваемся, что она сообщит мне, как будут разворачиваться дела. Если всё будет плохо, она останется там...

— Пусть всё будет хорошо, и я приеду за тобой...

— Не, думаю, там сегодня будет полный попец.

— Так, может, мне не уезжать? Вдруг что понадобится?

— Что, например?

— Ну, зная сестёр Андриевских — от скорой до тортика и шампанского, — мы смеёмся.

— Да, про тортик-то я что-то и не подумала.

— Не волнуйся. Понял. Решу.

Чуть касаемся друг друга губами. Боюсь увлечься — тогда фиг я куда поеду и Наташку не оставлю...

Моя Бесценная, виляя попкой, выходит из машины и направляется к подъезду, а я серфю по доставке, оформляя из классной кондитерской пирожные и торт, а из цветочного — букеты для девочек и будущей тёщи... Алкоголь? Зная, какая Наталья под мухой (а ещё, со слов Матвеева, под этой же мухой чудит и Дарья), — фиг им. Пусть пьют, только когда мужчины рядом, а то потом ищи их в караоке, пока они кому-то дышат в трубку... Не-не, нам этого не надо...

Доставка через час. Залог хорошего настроения для четырёх девочек и их мамы обеспечен, поскольку сладкое и цветы — это хотя бы какой-то повод сесть за стол переговоров... А мне пора. Еду домой и надеюсь, что моя Харита всё же позовёт меня вечером, чтобы прокатиться на колеснице до уже нашего двorca...

Наташка

Илья, как всегда, предусмотрителен. Пока все съезжались и мама возвращалась с работы, мы с Соней уже встретили доставку, расставили цветы и приготовили всё к чаю. Букеты безумно красивые...

Мама, заходя в дом, сразу поняла: что-то грядёт. Но когда приехали Маша и Дашка, она уже сидела за столом с полным осознанием непростого разговора.

— Девочки, что случилось?

Пихаю Дашку в бок: мол, «начинай». Она тушует. Как всегда, удар на себя принимает Маша, моя старшая сестер. Она всегда прикрывала наши ссыкливые задницы.

— Мам, новость хорошая. Ты не переживай!

— Маш, ты что, за Сергея этого замуж собралась?

— Пока речь не обо мне.

Мама хмурится и нервно сглатывает.

— Хорошо. Но Сергея я бы одобрила, хороший... Ты говоришь не о тебе? Но всё же кто-то выходит замуж? — Она смотрит на Соньку. И меняется в лице. — Соня, неужто опять Стас этот? Девочка, не надо! Или это с другим... — Мама чуть не плачет. Соня пытается её ободрить:

— Да мам, ты чего? Какой Стас? Обосрас...

— Фу, Соня!

— А чё опять Соня? Хватит этого припыженного ко мне присоединять. Ему уже и деда навалил, а он всё, как банный лист, липнет вашими устами.

Машка только качает головой:

— Вот, Соня, как можно в одном предложении говорить о «припыженности» и «устах»?

Мы ржём. Сонька у нас — сама непосредственность. Лишь бы ещё чего не выдала... Но глаза боятся, а Соня жжёт:

— Это не Стас и я... Это вообще не я. Все вопросы к Дашке!

Мама уже прицельно смотрит на «виновницу» этого «торжества». Та выпаливает как из автомата:

— Мам, я замуж выхожу за Диму. Дмитрия Матвеева, гендиректора «Олми». — Мама аж ойкнула. Прикрыв рот ладошкой, сидит и смотрит на нас испуганным взглядом. Тишина... — Мам, скажи что-нибудь.

Но у мамы полные глаза слёз, и она начинает чудить. Видели бы Кармацкий, Ольхов, Матвеев и Кармазин эту «главу семьи» сейчас — им бы сразу стало понятно, в кого мы такие «принцессы».

— Девочки, как же так? Я ничего не знала! — И, уже обращаясь ко мне и Соньке, мама, медленно сняв тапок, несётся за нами по квартире: — Наташка, почему ты даже не намекнула? Ты же точно знала!

Мы с Сонькой, конечно, успели заскочить в нашу комнату и закрыть дверь. Мама стучит тапком:

— Я вам сейчас, как Хрущёв, покажу кузькину мать!

Мама у нас учитель истории, поэтому к её словесным оборотам мы привыкли. Беру удар на себя — Соньке и так уже чутка прилетело.

— Мам, да ничего мы толком не знали! Ну, видела я пару раз этого ухажёра, но Дашка же и нам ничего не говорила. Я только несколько дней назад у неё кольцо на пальце увидела...

Тишина. Слышим, как Дашка и Машка успокаивают маму с той стороны двери. Ну и хорошо. Сейчас утихомирят, а мы потом к ним выйдем.

Вот как маме сказать, что я живу со своим бывшим преподам и вообще хочу всё-всё с ним? Мне же тогда не тапком, а чем похуже прилетит...

— Эх, бедная моя срака, гореть ей — не перегореть!

Сонька оживает:

— Вот. Мотай на ус: в следующий раз точно тебе прилетит... Но не бзди!

— А чё мне-то? Как там твой женонеистовый поживает товарищ Кармазин? Он сегодня у нас в офисе был, говорит, что ты ему его «Пипина Короткого» крутишь по полной...

— Ничё я ему не крутила! А почему «Короткий»?

— Соня, сейчас как дам по голове! Было что-то?

Сонька глаза не прячет, правду говорит:

— Нет. Ничего. Сказал, что маленькая ещё... И сначала замуж, а потом уже...

— Замуж? Это точно Кармазин?

— Да, Тима... Он же не Стас. Сказал, что хочет по-настоящему.

— Сонь, не обожгись! Пожалуйста. Или я его прибую. За тебя, точно прибую.

— Не. С ним либо ничего и никогда, либо всё и навсегда... И не будет меня мама тапком бить. В отличие от ваших ухажёров, Кармазин с мамой уже познакомился...

— Вот это да! Как так?

— Он вчера меня из универа подвёз, и мы маму у входа в подъезд встретили. Ну, мама и пригласила его на чай... Они поговорили. Без меня. Потом только Тима сказал, что всё хорошо. А мама сказала, что разрешает мне с ним общаться и что он — хороший парень.

— Твою мать... Так в сентябре снега за окном не видно? Что творится-то?!
Выходим из засады.

Девочки и мама уже пьют чай с тортом. Мы присоединяемся к ним. Мама в шутку заматывается на нас кухонным полотенцем:

— И эти две кулёмы мне ничегошеньки не сказали...

Посидев с опущенной головой секунду, она произносит:

— Ну хорошо, Даш, знакомь нас! Будем принимать зятя!

Ю-ху! Лёд тронулся, господа!

Глава 21. Были знакомы

Наташка

Всё улеглось. Мама согласилась. С Димой они уже были знакомы: как-то недавно он приехал с Сергеем Кармацким к нам на дачу. Но тогда, прихватив Дашку, Матвеев с ней ушёл в туман...

Завтра принято решение встретиться семьями в имении бабушки и дедушки в Подмосковье. Это опять будет полное «обдИлье»... В смысле — обделить себя Ильёй. Не... Хотя сегодняшний вечер хочу провести с ним. Пишу своему мужчине:

— Привет! Может, ты меня заберёшь?

Ответ приходит мгновенно:

— Я под окнами. Выходи.

— Ты не уезжал?

— Уезжал, но вернулся. Знал, что всё равно тебя заберу... Выходи, Наташ. Жду.

Какое там «выхожу» — я лечу! Как бы ноги не сломать? Не забываю прихватить цветы, которые предназначались мне. В них была записочка, адресованная «Наталье», с коротким посланием: «Моей Бесценной». Прощаюсь со всеми, говорю, что в имение завтра обязательно поеду, но вечером напишу, как доберусь. Мол, много работы и бла-бла-бла... Машка с Дашкой только качают головами, закатывая глаза на «ультразвук».

Илья ждёт меня у машины. Открывает дверь, помогает мне сесть и пристегнуться, перекладывая букет на заднее сиденье. Как только он опускается в кресло, касается моих губ и тихо произносит своим низким бархатом, от которого разгорается всё внутри:

— Я знал, что ты придёшь. Очень рад, что дождался... Едем?

— Угу...

— Как прошло?

— Нормально. Чую, быть мне поколоченной мамой за сокрытие тебя...

— Я сразу говорил: давай не будем таиться. Я познакомлюсь как твой мужчина, а не как преподаватель, с Надеждой Алексеевной. Как преподаватель я с ней знаком.

— Чего?!

Флешбэк (два года назад)

Илья

— Надежда Алексеевна, вам совершенно не о чем беспокоиться. Наталья будет под моей опекой, — говорю я волнующейся матери своей студентки, с которой собираюсь ехать на конкурс проектов в Санкт-Петербург. — Наталья — прекрасная, умная и очень ответственная

девушка. Я уверен, что она и сама бы со всем справилась. Но таковы правила: руководитель проекта тоже должен присутствовать при защите работы.

— Илья Вадимович, мне было бы комфортнее отпустить её, если бы я встретила с вами лично. Я сама педагог и неплохо разбираюсь в людях. Телефон — это одно. Только после личной встречи я приму решение: поедет Наталья с вами или нет.

— Хорошо. Я смогу подъехать, куда скажете. Этот конкурс важен для Натальи. И мне было бы интересно в нём поучаствовать, поскольку и моего труда в этот проект вложено немало.

Конечно, я не говорю о том, что для меня «проект» — это не работа Натальи Андриевской, а она сама.

Наташа... Долгострой ещё тот. Ей в универе ещё три года учиться, а у меня уже крыша подтекает, расшатывая фундамент.

Женщина, подумав, отвечает:

— Хорошо. Если сможете, приезжайте по адресу, который скину в мессенджер. Где-то в 16:00.

— Буду.

— До встречи!

Без пятнадцати четыре я, как зелёный пацанчик-первокурсник, прихожу в кафе. Жду маму Натальи. Заказываю чай и себе кофе. Почему-то уверен: Надежда Алексеевна предпочтёт зелёный чай.

В кафе заходит очень бодрая женщина чуть за сорок. Строгий чёрный костюм на прекрасной фигуре, тёмные волосы, стрижка каре, сдержанный макияж. Шпильки. Это точно она. Встаю из-за столика и протягиваю ей руку. Рукопожатие уверенное, почти мужское.

— Добрый день, Илья Вадимович!

— Приветствую, Надежда Алексеевна!

Она смотрит мне в глаза буквально пять секунд, и её взгляд из ледяного становится тёплым.

— Илья Вадимович, вы очень молоды.

— Ну, не настолько.

— У вас была потрясающая карьера в Лондоне. Почему вернулись?
Говорю как есть:

— Причины личного характера.

— Что именно? — Её глаза подобны рентгену. Она даже чуть наклоняется ко мне ближе. И я поступаю так же. Сократив расстояние, прямо в глаза выдаю правду:

— Я расстался со своей девушкой-коллегой, которая украла мой проект, откинув мою карьеру на два года назад. Она выбрала не семью со мной и ребёнком, а работу...

Её взгляд становится острым:

— То есть дело в ком-то, а не в вас?

— Почему же не во мне? Это у меня увели проект, и меня, и моего ребёнка предпочли работе... Поэтому и моё «рыльце в пушку».

Она отстраняется, и её взгляд вновь теплеет.

— Не думаю, что дело в вас. Скорее, вам просто попалась не та спутница. А Наталью я вам в качестве спутницы до Питера доверю. Вы честный и порядочный человек, я это вижу.

— Она отпивает чай, который я за разговором разлил по чашкам. — Вкусный чай. Угадали! Это ещё один плюс.

Немного ещё поговорив, мы достаточно тепло прощаемся, но Надежда Алексеевна просит ничего не говорить Наталье о нашей встрече.

— Пусть это будет наш с вами маленький секрет, Илья Вадимович. Не хочу, чтобы дочь думала, будто я её контролирую на каждом шагу.

— Договорились. Ваша тайна в безопасности.

Сейчас

Илья

Из воспоминаний меня вырывает вопль Наташки:

— Ты знаешь маму?! Вы знакомы?

— Да.

— Как? Когда?

— Думаю, сейчас я уже могу тебе рассказать...

И я кратко повествую моей эмоционально бунтующей пассажирке об истории нашего знакомства с её мамой.

— И ты молчал?!

— Я дал слово! Просто сейчас, с учётом того, что наши с тобой позиции поменялись, эта тайна уже не имеет смысла. Поэтому, думаю, Надежда Алексеевна не будет слишком шокирована моей персоной — скорее моим изменившимся статусом относительно тебя...

— Капец, блин!

— Не переживай. Начало ведь хорошее: мы знакомы, она уже дала мне «первичное одобрение». За малым дело осталось...

— За малым...

Если бы я только знала тогда, за каким «малым» и на сколько останется наше с Ильёй «дело». Если бы только знала...

Глава 22. «Заповедник»

Наташка

Поездка в имение проходит отлично.

Матвеев, Дашкин парень, а теперь уже и жених — настоящий мужчина. Воспитанный, щедрый; родители у него тоже замечательные люди. Никакого тщеславия, хотя они явно элита...

Дед со своими байками про кота Вениамина и собаку Катерину покорила всех. Его шутейки из армейского прошлого тоже внесли свою лепту и разрядили обстановку.

Дмитрий сделал всё как надо... Дашке он подходит, и они точно влюблены — это видно.

Интересно, а глядя на нас с Ильёй, это так же заметно? Или мне только кажется?

Я из тех, кто оценивает не только внешнюю сторону (хотя и это очень важно), но и поступки. По ним можно многое понять. За четыре года постоянных шагов Ольхова мне навстречу и моих тихих подступов к нему стало ясно: всё по-честному, по-серьёзному и всё — о любви.

Вот даже сейчас. Я кратко прощаюсь со всеми под предлогом необходимости доделать проект, который завалила Марина. Выхожу за ворота. Меня ждёт Илья...

Приехал же! В субботу, по пробкам, за мной... Вообще не ближний свет, но он здесь, чтобы сегодняшний вечер мы провели вместе. Вот это — поступок!

— Привет, малышка! Чудесно выглядишь!

На мне чёрное льняное платье с юбкой-колоколом, короткое, обнажающее плечи и часть спины.

— Привет! И ты отлично, — улыбаюсь я в ответ.

Илья сегодня — мой полный антипод. Ослепительно белый лён на фоне моего чёрного платья.

Стоило мне подойти, как он порывисто притягивает меня к себе. Ладони ложатся на открытую спину, обжигая кожу, и я не выдерживаю — прижимаюсь почти отчаянно. Хочется впитать его запах, до капли раствориться в нём. Мы не виделись всего день, но внутри всё дрожит от голода по нему.

Поцелуй выходит глубоким, жадным. Мы напрочь забываем, что в сотне метров за забором — вся моя родня и нас в любую секунду могут застукать. Плевать.

— Поехали отсюда, — выдыхает он мне прямо в губы.

Илья помогает мне забраться в высокий салон, на ходу забрасывая на заднее сиденье пакеты с бабушкиными гостинцами и букет от Дмитрия. Едва захлопывается дверь, двигатель мощно заурчит, откликаясь на его движение.

— Едем?

— Да. Куда угодно!

— Хочу познакомить тебя с одним местом, — он перехватывает мой взгляд, и в его глазах мелькает азарт. — Твои сёстры там уже отметились на моём дне рождения. Поместье моей семьи.

— Машка и Дашка? — я возмущённо вскидываю брови, пока он выруливает на трассу. — Вот ведь паразитки! И ни словом не обмолвились...

— Не бунтуй, малышка. Сегодня мы там будем абсолютно одни. Я сам тебе всё покажу.

Илья

— Здесь хорошо, — тихо произносит Наташа. В её голосе я слышу то самое умиротворение, ради которого всё это строилось.

— Я жил этим проектом несколько лет, — отвечаю я, сокращая дистанцию. — Сам чертил каждый узел, подбирал фактуру этого белого кирпича, чтобы он не слепил, а мягко впитывал закат. Мне хотелось, чтобы дом не просто стоял, а буквально обнимал тех, кто внутри. Кроме ландшафта, конечно. Это проект моей матери — Ларисы Ивановны, или Лары Крав. Сейчас она со своим мужем «номер три» успешно покоряет Лондон.

Я смотрю на сад, где тени становятся всё длиннее, обволакивая безупречный газон.

— Обычно здесь царит тишина. Я никого не впускаю в этот «заповедник», кроме самых близких. От матери здесь — эта живая, пахучая зелень. А от меня — всё остальное: ритм стен, смолистый аромат банного сруба, сама душа этого места.

Я замолчу на мгновение, вдыхая прохладный воздух, перемешанный с запахом её парфюма.

— Знаешь, как архитектор я проектировал здесь счастье. Мечтал о большой семье. Хотел, чтобы дом вибрировал от жизни: от смеха друзей, от топота детских ног по теплому полу. Я всё просчитал: от бассейна, где вода кажется жидким шелком, до каминного зала с такой акустикой, что слышно каждое «люблю», сказанное шепотом. Живи и радуйся.

Перевожу взгляд на Наташу. В золотистом свете уходящего дня она — единственная деталь, которой мне не хватало для симметрии.

— Но когда? — она оборачивается ко мне. — Когда строился дом, ты ведь должен был быть ещё в Лондоне?

— Нет, я еще был здесь. Начал проект в двадцать два года — на чистом энтузиазме и избытке тестостерона. А потом он постепенно обрастал правками и новыми слоями, как старое дерево. В таком виде я застал его уже после окончательного возвращения.

Наташа чуть ежится от вечерней прохлады, обхватывая плечи руками. Я вижу, как она колеблется: отводит глаза, набирает побольше воздуха, словно ныряет в ледяную воду, но в последний момент выдыхает, так и не решившись...

— Наташ, спрашивай. У тебя на лице написано «критический вопрос к автору проекта».

— Почему ты вернулся из Лондона? Я знаю, что там была какая-то... непростая история.

— Ого, уже и слухи пошли? — я не могу сдержать ухмылку. — Моя репутация бежит впереди меня.

— Ну, есть чутка, — она смущенно шмыгает носом. — Студентам только дай волю языком почесать о строгом препода.

— И ты, Брут?

— Нет, я — нет! Но... просто интересно.

— Хорошо. Я всё расскажу, но давай передислоцируемся в дом. Твоё платье — шедевр легкой промышленности, но оно скорее защитит от пыли жаркого полдня, чем от подмосковного сентября. Ты уже почти превратилась в ледяную скульптуру, а я предпочитаю живых женщин.

Я слегка касаюсь её локтя — кожа прохладная, но под ней чувствуется жизнь — и веду её внутрь, в тепло...

Глава 23. Недостающая деталь

Наташка

Мы сразу попадаем в просторный холл, который является главной планировочной осью дома: он плавно перетекает в гостевую зону. Отсюда открывается вид на патио с бассейном и зоной барбекю. Пространство гостиной организовано безупречно: несколько скрытых дверей ведут в приватные помещения — каминный зал и кабинет самого Ольхова, его «святая святых». Справа от входа — логичный переход в кухонный блок с выходом на одну из террас.

На цокольном уровне сосредоточен велнес-блок: бассейн, спортзал, лаконичная сауна и хаммам. Технический регламент соблюден идеально — предусмотрены отдельные выходы в паркинг и хозблок. Напротив главного входа парит лестница — консольная, почти невесомая конструкция, ведущая на второй этаж, в зону спален.

Архитектура дома работает со светом филигранно. Несмотря на сумерки, за счет панорамного остекления и выверенных сценариев искусственного освещения пространство сохраняет объем. Интерьерный код считывается мгновенно: натуральный массив светлого дерева, матовые поверхности в пудровых и кремовых тонах — это создает ощущение стерильной чистоты, которое магическим образом трансформируется в уют. Дом — точное отражение Ильи. Здесь всё подчинено его ритму. И мне здесь легко... Кажется, я наконец-то в правильном для себя месте.

— Наташ, выпьем что-нибудь? — голос Ильи благодаря акустике помещения звучит особенно глубоко и сексуально.

— Только не алкоголь. Ты же знаешь мой «дизайнерский» побочный эффект: я либо уйду в глубокий релакс, либо начну творить несусветную дичь...

— Может, чай?

— Идеально!

Мы переходим в кухню. Высокотехнологичный хай-тек здесь мастерски приправлен мягкими нотами прованса — редкое по чистоте эклектичное решение.

— Может, я заварю? — Илья занимает место за барной стойкой, а я на каком-то интуитивном уровне, будто сама проектировала этот интерьер, безошибочно открываю нужные дверцы и нахожу чайные пары. В соседнем модуле — коллекция чая... Илья тепло улыбается, в его глазах искрит ирония.

— Что?

— Ничего... — его голос — чистый бархат. Он вызывает во мне какую-то неконтролируемую вибрацию, резонанс, от которого хочется замереть и просто впитывать его присутствие всем своим существом.

— Ты была необходима этому дому... Это твой дом, Наташ. Ты — как недостающая деталь этого долгостроя, который только с тобой стал завершённым. Тебе не нужно спрашивать, где что лежит, потому что ты чувствуешь это пространство. Это наш дом, Наташ...

Я впитываю эти слова. Не сразу улавливаю смысл, сначала просто растворяюсь в тембре Ильи, но чуть позже отмираю:

— Илья, это звучит ужасно красиво... Но ты не слишком торопишься?

— Я и так непростительно задержался с этими словами... Наташ, я люблю тебя. И этот дом отныне — твой. Наш дом.

«Звучит красиво...» — я обдумываю услышанное. В этих словах нет двойного дна, но есть одно «но»...

Я с какой-то невероятной легкостью организую всё для чаепития. Сервировочные салфетки под приборы, вазочка с конфитюром, мёд... Всё происходит само собой. Здесь всё расположено именно так, как расположила бы я: безупречная эргономика, которая совпадает с моей внутренней логикой. Может, мы и правда с Ильёй из одного теста?

За чаем мы неспешно болтаем. Нет никакой суеты. Ощущение, что мы действительно вернулись домой, а не заехали в гости на вечер. Нам больше не нужно куда спешить. Полная расслабленность.

Я люблюсь Ильёй. Смотрю, как пар от чая касается его лица, как на его влажных и горячих губах задерживаются капли...

— Илья, ты обещал рассказать мне про Лондон. И про то, почему на самом деле вернулся в Россию.

— Ну, это не такой приятный разговор, как ты думаешь. Не уверен, что он подходит для такого прозрачного и лёгкого вечера.

— Не переживай. Если станет слишком мрачно, я разбавлю это чем-нибудь весёлым.

— Хорошо. Ты же знаешь, что я работал в «Foster + Partners».

— Конечно. Кто же этого не знает.

— Вот там я познакомился с девушкой. Севи. Она была старше, но нам это совершенно не мешало.

— И сколько ей было?

— Тогда тридцать два, мне — двадцать пять.

— Ну, не катастрофа, — я невольно улыбаюсь.

— Насчёт возраста — да. Но через четыре года всё ею — катастрофой — и закончилось.

— А что произошло?

— Севи забеременела, но сначала ничего не сказала. Потом ей стало совсем плохо, я начал догадываться, но она... она избавилась и от него, и от меня. Её мучил сильный токсикоз, перепады настроения. Как она сама говорила — «мозги поплыли». Начались проблемы в бюро из-за прогулов и невозможности генерировать идеи. И тогда она решила всё кардинально. Заодно прихватила мой проект, выдав его за свой.

Я на секунду замираю, переваривая услышанное.

— Как ты это пережил?

— Не смог простить ей ребёнка и уехал, разорвав все связи.

— А проект?

— А что проект? — Илья пожимает плечами. — Это как раз то, что можно создать заново. Доверие восстановить куда сложнее... Там расчёты не помогут.

— Не жалеешь?

— Нет. Через два года я встретил тебя и влип по полной. О Севи иногда напоминает мать — они пересекаются в Лондоне. У неё уже есть сын, мама сообщила.

— Странно. Если женщина была готова пренебречь всем ради карьеры, то, должно быть, её приоритеты сильно изменились. Если что-то перевесило — это было большое чувство...

— Возможно. Но я не хочу об этом думать. Ты обещала веселить, если разговор затянет нас в меланхолию.

Я судорожно пытаюсь переключиться.

— Даже не знаю, с чего начать.

— А как насчёт твоих ухажёров? — не могу не закатить глаза и протяжно выдохнуть.

— О-о, там полный «бардальеро»...

Глава 24. Ухажёры

Наташка

— С ухажёрами полный «бардальеро», — говорю я полушёпотом, прицельно заглядывая в глаза Илье и чуть наклонившись к нему.

Он не отстраняется. Напротив — подаётся навстречу, сокращая расстояние до критического минимума. Теперь я чувствую кожей тепло его дыхания и аромат чая.

— Почему? — почти шепчет он, и этот шёпот рикошетит по всей моей нервной системе.

— Ну, знаешь... это как в «Десяти негритятах»... — мой голос едва слышен.

— Звучит захватывающе. Рассказывай! — Илья явно в предвкушении.

И я начинаю, наслаждаясь всей ироничностью момента.

— Пятый из парней приставлен был к квартире, — начинаю я нараспев, — он немного задремал, осталось их четыре...

Мы хохочем. Илья откидывается на спинку стула, не сводя с меня глаз.

— То есть пятый — это всего? Или это только из последней партии?

— Ну, конечно, это последние пять! Там же целый батальон: дедушкины подчинённые, которые мечтали породниться с генерал-майором и сделать головокружительную карьеру.

— Даже так? То есть дело не только в умопомрачительной тебе?! — Илья улыбается во весь рот. Блеск его глаз заставляет и меня «плыть»...

— Конечно, нет! Да и, знаешь, бабулины пирожки вызвали мгновенное привыкание у голодных солдатиков. Так что войти в нашу семью через брак хотели многие... Но дед всех отвалил непосильным трудом и своим «ОПГ» из живности: котов, собак, хомяков и попугаев. Он, кстати, именовал их в честь павших на полях любви героев.

— Дедовское ОПГ — это сильно! Я уже пропал в этой семье Андриевских, — говорит Илья, не сдерживая смеха. — Но дед у тебя молодец. Жёстко — называть питомцев именами подчинённых, но стратегически верно! Чтобы другим неповадно было. А остальные?

Я решаю продолжить «считалочку»:

— Четыре пацана не пережили горе,

Кота пришлось спасти — и их осталось трое...

Мне кажется, у Ильи уже блестят глаза от смеха до слёз.

— Наташка, ты великолепна!

— Ты не знаешь главного. Это была спасательная операция «Кот-скот». Спасали Вениамина — кота, который и ныне здравствует. Он сожрал какого-то тухлого голубя во дворе имения, и ему резко поплохело. Трое солдатиков вылетели с Веней в ветклинику, а у четвёртого — не к столу будет сказано — от стресса скрутило живот. Как говорил дед: «Он просрал и операцию, и место в окружении семьи Андриевских».

«Краснолицы», мы утираем слёзы от смеха.

— А дальше?

— Веня жив-здоров! Коля, который не доехал, тоже. Всё в порядке. Дальше?

— Продолжай!

— Эммм...

Трое пацанов в имение оказались,

Один труда не вынес — и вдвоём остались.

Дед очень нагружал ребят в осенний период. Причём не столько физически, сколько нотациями и дисциплиной. Ну, Серёга и свалил — перевёлся от греха подальше. Потом дед задумал стройку бани и гостевого домика. И там уже...

Двое пацанов строят дом высокий,

Один упал — и вот один, несчастный, одинокий.

— Упал?! — Илья округляет глаза. Улыбка мгновенно улетучивается с его губ.

— Ну, с лесов сорвался. Звучит страшно, но там высоты было метра полтора. Этот ухажёр умудрился так неловко лететь, что получил растяжение и ушёл на больничный. Решил беречь ноги и больше у нас не показывался.

Последний из парнишек посмотрел устало,

Он пошёл пройтись — и никого не стало...

— Пройтись?! — мы снова заходимся в хохоте.

— Да, рапорт на увольнение написал. Короче, дом достраивала уже профессиональная строительная бригада. А нас, девочек-красоток, дед месяц не пускал в имение, чтобы не плодить новых «жертв» и не разводить долгострой.

Смех постепенно затихает, оставляя после себя приятную тяжесть во всем теле и ту особенную тишину, которая бывает только между по-настоящему близкими людьми. Воздух в кухне кажется наэлектризованным, но уже не от шуток, а от чего-то гораздо более плотного и осязаемого.

Илья медленно отставляет пустую чашку. Его взгляд меняется — ирония исчезает, уступая место той самой «бархатной» глубине, от которой у меня перехватывает дыхание. Он протягивает руку через барную стойку и накрывает мою ладонь своей. Его пальцы горячие, сухие и надежные.

— Наташ... — тихо произносит он, и моё имя в этой акустике звучит как признание.

Я молчу и просто смотрю в его глаза, где в мягком свете панорамных окон отражается вечер, этот дом и я сама — наконец-то настоящая.

— Ты потрясающая!

Он целует мою руку, запуская разряды тока по моей коже.

Он плавно встает, не разрывая визуального контакта, и делает шаг ко мне. Пространство между нами сокращается до минимума, до того самого резонанса, когда слышишь не голос,

а биение сердца. Я закрываю глаза и просто впитываю его присутствие — как ту самую недостающую деталь. Теперь всё правильно...

Глава 25. Неожиданные «гости»

Илья

Когда я проектировал этот дом, то почему-то разделил кабинет на две зоны. Изначально задумка была в том, чтобы совместить пространство для черчения и лаундж с библиотекой. Но позже книги «осели» в каминном зале, и часть моей «светочи» осталась свободной. Наверное, это было провидение: Наташе как архитектору-дизайнеру тоже понадобится рабочее место. И оно у неё будет — здесь, рядом со мной.

Я показываю Наташе это помещение. Она в восторге.

— Илья, это потрясающее пространство для творчества. Здесь всё пропитано тобой. В каждой детали — ты.

— Я хочу, чтобы часть этого кабинета стала твоей.

— Мне ещё год учиться, и...

— Кто из нас не заканчивал университетов? Все через это прошли. Год пролетит незаметно, а там...

— А что там? — я не решаюсь заговорить об этом первой. Принято, что такие темы поднимает мужчина. И хотя Илья уже признался в чувствах и не раз назвал этот дом «нашим», он всё ещё не произнёс самого главного. — Там — «жили долго и счастливо»?

— И умерли в один день... — Илья иронично ухмыляется.

— Нет, не умерли... — он берет мою руку, и в этот момент магия тишины рушится.

Мы слышим, как в дом кто-то входит. Женские голоса, шум, шаги... Моё сердце пускается вскачь. Я и представить не могла, что здесь может кто-то появиться вот так, без предупреждения. Илья ведь говорил, что сам бывает здесь редко.

Я смотрю на него. Первое замешательство на его лице сменяется явным раздражением. Он едва заметно качает головой и закатывает глаза, прижимая ладонь ко лбу — типичный жест человека, чьи планы бесцеремонно нарушили. Пока он решает, как поступить, голоса становятся всё отчетливее, приближаясь к нам.

— Илья, ты дома? У нас гости!

Илья резко втягивает воздух, словно перед прыжком в ледяную воду.

— Мам, почему ты не предупредила, что приедешь? — чеканит он.

Дверь распахивается, и входит она... Высокая, стройная женщина лет пятидесяти в безупречном белом брючном костюме и чёрной шляпке. Настоящая леди. Яркий вечерний макияж, ледяная уверенность...

— Привет, сын! — бросает она, едва скользнув по мне взглядом. Она не удостоивает меня даже кивком, не то что приветствием. — Ты раньше не приводил девочек в этот дом. Странно...

— Потому что это не «девочка». Это Наталья, моя девушка.

Мать Ильи наконец окидывает меня оценивающим, тяжёлым взглядом. Мне мгновенно становится неловко за своё простое летнее платье и за то, что шпильки остались у порога. Мои голые ступни на дорогом паркете кажутся сейчас символом незащитности.

— А-а... Девушка... — она неопределённо ведёт плечом. — Ну-ну. Илья, идём. У тебя гости.

— Мои гости здесь. Со мной, — Илья собственническим жестом обнимает меня за талию. Чуть наклонившись, он шепчет мне в самое ухо: — Всё хорошо, котёнок. Не волнуйся. Её от этого жеста буквально передергивает.

— Илья! Ты ведешь себя как неотёсанный мужлан. Будь добр выйти и поприветствовать Севи. И оставь уже в покое эту... — она делает паузу, явно подбирая максимально обидное определение, — слишком юную для тебя особу. Севилья, кстати, приехала не одна.

— Это твои гости. Ты с ними и возись, я не обязан их развлекать, — голос Ильи опасно вибрирует.

Наташка

Я никогда не видела Ольхова в таком состоянии. Он всегда воплощение выдержки и деликатности. Даже с самыми безнадежными студентами он обходится мягко, максимум — иронично подшутит. Но говорить с такой неприкрытой злостью...

Но его мать не унимается. Как будто не видит, что сын взбешён.

— Проводи свою гостью. Такси ещё не уехало, или попроси охрану её отправить, — не унимается женщина. — У нас серьёзный разговор, не для посторонних ушей.

— Она не посторонняя. Ни в этом доме, ни в моей жизни, — Илья чеканит каждое слово. — Скорее, этого статуса заслуживаешь ты!

Воздух в кабинете буквально горит. Женщина не отступает, идя напролом, но Илья стоит стеной.

— Я посторонняя? Я, давшая тебе жизнь?! — женщина нервно смеётся, и этот звук режет слух не хуже битого стекла.

— Да, и ты же каждый раз меня этим попрекаешь!

Она театрально вздыхает:

— У кого-то опять подростковый психоз? Ты уже взрослый мужчина, Илья.

— Что ты несёшь? — выплёвывает Илья.

— Севи приехала с моим внуком. Выйди, поговорим, — она снова мазнула по мне пренебрежительным взглядом и добавила, обращаясь только к сыну: — И отправь уже эту девочку. У нас серьёзный семейный разговор...

Её внуком? Но Илья — единственный сын, и Севи... Холодные капли пота проступают и колют спину. Это что, кошмарный сон?

Я смотрю на Илью. Он сам в полном недоумении. Он рефлекторно сжимает мою талию сильнее, почти до боли, а его глаза мечут молнии в мать.

— Что за бред ты несёшь?

Но на этих словах дверь распахивается, и в кабинет влетает мальчик лет пяти. А следом за ним входит, видимо, его мать...

Илья

Севи...

Я не видел её шесть лет. Она почти не изменилась: та же высокая, стройная фигура. Сегодня она, как и моя мать, во всём белом. И неизменно яркие, вызывающие губы...

— Привет, Илья, — её русский стал значительно чище. Видимо, частое общение с матерью дало плоды.

— Зачем ты приехала? — бросаю я ей, а сам смотрю на Наташу. Её реакция меня убивает: она будто схлопывается, сжимается внутри. Слежу за её взглядом — он прикован к пацану. Твою мать! Он же моя копия в детстве. Мороз проходит по позвоночнику, меня обдаёт холодным потом. Как? Как такое возможно?!

— Хотела познакомить вас, — Севи кивает на мальчугана, который с интересом изучает мои чертежи, а затем, взяв карандаш, начинает что-то увлечённо изображать на листе. — Думаю, нам нужно поговорить без свидетелей. Марк нашёл себе занятие, он не побеспокоит нас ближайшие полчаса...

Глава 26. Обрушение

Илья

Смотрю на Наташу. Она опускает глаза.

— Илья, давай выйдем. Пожалуйста, — тихо произносит она.

Мажу по незванным гостям тяжёлым взглядом и иду вслед за ней в холл. Наташа начинает говорить сразу. Как будто если она сейчас замолчит, то просто рухнет.

— Илья... Знаешь, мне и правда пора. Пожалуйста, дай мне уехать.

Она не смотрит на меня. Между нами возникает какое-то тягучее, вязкое пространство, которое разрывает и отдаляет нас друг от друга.

— Увидимся в офисе в понедельник. У тебя впереди непростой вечер... Моё присутствие здесь сейчас неуместно, я буду только мешать.

— Наташ, — выдыхаю я, пытаюсь поймать её руки. — Это какой-то бред. Я разберусь. Не нужно никуда ехать! Это они здесь не вовремя, это они не к месту...

Наташка еле сдерживается. Дыхание сбито, она почти тараторит:

— Илья. Тебе нужно успокоиться и обо всём с ними поговорить. А я поеду. К маме. В понедельник мы всё обсудим.

— Наташ, не надо... Не бросай всё вот так. Посмотри на меня.

Она упрямо смотрит в сторону, не решаясь поднять глаза. Я мягко приподнимаю её подбородок, заставляя встретиться со мной взглядом. Но она колет меня и словами, и самой этой ледяной дистанцией.

— Илья, если ситуация аварийная, сначала нужно обеспечить собственную безопасность, а потом спасать других, — она горько усмехается. — Боюсь, что сейчас не смогу помочь даже себе, не то что тебе... Я поеду, ладно?

— Хорошо. Но поезжай к нам в квартиру. Пожалуйста. Прошу только об этом. Я приеду туда сразу, как только закончу здесь.

— Илья... — слышу, как она с трудом сдерживает слёзы. Старается дышать глубже, чтобы не сорваться.

— Наташ, девочка моя. Я всё решу. Пожалуйста, поезжай к нам домой...

И она сдаётся. Тяжело выдыхает, кивая:

— Хорошо...

Наташка

Еду в такси. То ли от лёгкого платья, то ли от внутренней дрожи меня знобит. Даже кондиционер, включённый на максимум, не добавляет мне тепла. Внутри — абсолютный лёд.

Мыслей нет. Вернее, их настолько много, что одна не успевает оформиться, как её пожирает новая. Не достигнув осмысления, она сменяется следующей.

«Марк — красивое имя. Марк Ольхов — звучит... А Наташа Ольхова? Ага, размечталась... Никто не предлагал и уже не предложит. Там семья, сын. А ты — лишний элемент в их конструкции...»

Я поднимаюсь в квартиру Ильи. Как-то неловко сейчас называть это место общим домом. Открываю дверь своим ключом. Здесь тихо и стерильно чисто. Через кухонную зону прохожу в спальню. Стоит мне взглянуть на кровать, как на меня обрушиваются воспоминания о нашей близости. Я четыре года жила в мечтах, и только они начали сбываться, как всё... рухнуло.

Ещё немного постояв, я иду в гостевую спальню. Нужно собрать вещи. Сегодня я никуда не уйду — обещала моему архитектору дожждаться его. Но после этого разговора я должна быть готова... ко всему.

Скидываю вещи в чемодан. Тишину спальни разрывает резкий рингтон. Вздрагиваю. Смотрю на дисплей. Дашка?

— Привет.

— Чего унылая такая? С архитектором своего сердца поссорилась? — смеясь, заговорщически добавляет сестрёнка. Вот как ей удаётся всегда бить в самое больное? Прямо в солнечное сплетение. Чувствую, как меня накрывает слезами.

— Эй... Ты там плачешь, что ли? — голос Дашки звучит уже испуганно. — Так, что сделал этот олень?

— Олень?!

— Ну не олень... Ольхов тебя обидел?

— Нет. Но там... всё слишком непросто.

Дашка уже не на шутку взволнована. Тишина в трубке буквально глушит.

— Так, рассказывай всё по порядку!

— Не хочу. Такое чувство: если расскажу — это окончательно станет правдой.

— Всё настолько серьёзно? — уже без стёба спрашивает сестра.

— Да вообще капец.

— Приезжай к нам?

— Не могу, я обещала дожждаться Илью.

— Кстати, ремонт в квартире дедули и бабули завершён. За две недели две бригады справились. Ключи у меня, могу передать курьером.

— Это было бы замечательно.

— Сейчас же отправлю. И не пори горячку, Наташ. Иногда то, что нам кажется катастрофой, на деле — просто помехи в эфире.

— Спасибо. Я постараюсь.

Вещи собраны. Чемодан стоит в углу комнаты, как немой укор.

Нужно себя чем-то занять. Аппетита нет совсем, но я решаю приготовить ужин для Ильи. Он наверняка сегодня ничего не ел.

Режу салат, обжариваю стейки. Механически накрываю на стол: салфетки, вазочка с лилией — остатки нашего недавнего праздника... Даже завариваю чай. На часах уже одиннадцать часов, но Илья не пишет и не звонит. Тишина в квартире становится почти физически ощутимой.

Курьер привозит ключи. Холодный металл в руке — как официальное разрешение на выход. Кажется, можно отправляться. На часах 00:10. Уже начался новый день...

Илья не придет. Не стоит обманывать себя и ждать.

Чувствую себя круглой душой. Этот неуместный ужин на столе, сервировка, запахи еды... И чемодан, замерший у входа как приговор. Чего я ещё жду? Пора вызывать такси и ставить точку.

И тут тишину разрывает скрежет ключей. Замок поддается, дверь распахивается. Илья.

Илья заходит в квартиру, и я сразу чувствую: что-то непоправимо изменилось. Он раздавлен. От него веет алкоголем — тяжёлым, горьким запахом человека, который пытался заглушить катастрофу.

Он не делает ни шагу ко мне. Просто замирает у порога, цепляясь рукой за ручку, а потом медленно сползает вниз. Его рубашка шуршит по деревянному полотну двери, пока он не оказывается на полу.

Тот самый безупречный архитектор, строивший монументальные здания, сейчас сам выглядит как руины. Он смотрит на меня. Может по приготовленному чемодану...

Его взгляд раненый, болезненный и жгущий... И мне до боли хочется «развидеть» его таким. Илья Ольхов для меня — всегда нерушимое изваяние, мой личный Гефест, бог! А сейчас передо мной просто человек: сломленный, раненый, пугающе другой...

В этой тишине слышно только его тяжёлое, рваное дыхание. Я стою в паре метров от него, босая, с ключами от другой жизни в кармане, и не знаю: подойти и попытаться собрать его по кусочкам или всё-таки уйти, пока этот обвал не похоронил и меня под собой?

Но выбор очевиден...

Глава 27. Раненый

Наташка

Тишина в холле становится невыносимо густой. Мне кажется, я слышу не только наше дыхание, но и стук сердец... Ключи в моем кармане как неподъёмный груз, тянущий вниз, к нему. Я делаю шаг, другой — и опускаюсь на пол рядом.

Может, я пожалею об этом позже, но сейчас, глядя на его боль и опустошённость, я не могу просто уйти. Не могу оставить его.

Моё чёрное платье облаком расплывается по паркету, контрастируя с его измятой рубашкой и этой позой абсолютного поражения. Я сажусь напротив, между его раскинутых ног. Мы молчим, не глядя друг другу в глаза, склонив головы. Два человека среди руин одного вечера.

Я не касаюсь Ильи, но чувствую, как его тело прошибает крупная дрожь, и я сама поддаюсь ей. Он прикрывает глаза, и в этом жесте столько боли, что мой «аварийный протокол» окончательно даёт сбой. Я протягиваю руку и осторожно, едва касаясь, накрываю его ладонь своей.

— Илья... — мой голос едва слышен. — Просто скажи. Это правда?

Он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.